

**«Экономические мигранты из Центральной Азии:
Исследование трансформации идентичности, норм поведения и типов социальных связей»**

Отчет по проекту, поддержанному Институтом «Открытое общество» (2007-2008)

Исследование проводилось:

- в двух регионах Узбекистана: в Самарканде, где было проведено 12 глубинных интервью; из них семь с мужчинами, пять с женщинами (в возрасте от 18 до 56 лет); и в Андижанской области - 10 интервью; из них семь с мужчинами, три – с женщинами (в возрасте от 25 до 56 лет);

- в двух регионах Казахстана: в Южно-Казахстанской области, где было проведено 10 глубинных интервью, из них восемь с мужчинами и два с женщинами (в возрасте от 22 до 51 года); и в Алматы - 10 интервью, из них восемь с мужчинами, два с женщинами (в возрасте от 17 до 55 лет);
руководитель исследовательской группы Игорь Савин.

- в двух регионах России: в Казани, где было проведено 12 глубинных интервью, из них восемь с мужчинами, два с женщинами (в возрасте от 22 до 55 лет), а также два экспертных интервью с руководителями национально-культурной автономии; руководитель исследовательской группы Лилия Сагитова; в Петербурге - 10 интервью, из них семь с мужчинами, три с женщинами (в возрасте от 23 до 44 лет); руководитель исследовательской группы Дмитрий Лебедев.

Исследовательские проблемы

Практически все трудности, с которыми исследователи столкнулись в ходе проекта, были прогнозируемы и ожидаемы. Прежде всего они были связаны со сжатыми сроками проекта и летним сезоном, на который выпал полевой период исследования.

Поиск информантов. В Узбекистане сложность состояла в том, что в летнее время большинство мигрантов находятся за пределами своего дома, поскольку они выезжают на заработки ранней весной и возвращаются домой поздней осенью – в начале зимы. В России, напротив, проблема заключалась в плотном рабочем графике мигрантов: их рабочий день начинается с 8.00 и заканчивается только в 20.00, единственный выходной – воскресенье.

В Узбекистане поиск информантов велся через родственников и знакомых. В Казани положение во многом облегчило то обстоятельство, что исследовательница (Э.Нурудинова) проводила ранее диссертационное исследование на тему ксенофобии в отношении мигрантов, к тому же сама была родом из Узбекистана, и у нее к началу нашего проекта уже были необходимые связи. В Казахстане информантов разыскивали частично через знакомых, а частично просто в местах, где, как было известно, они работают. В Петербурге нашли выход на информантов через коллег, в том числе из Самарканда.

Доверие. В качественных исследованиях одним из важнейших условий успеха является доверие информанта. Как правило, на доверие исследователь может рассчитывать, если (1) в роли информанта выступает хорошо знакомый ему человек, (2) если он получает соответствующие рекомендации от доверенных информанту лиц, (3) если у него есть время и возможность заслужить необходимое доверие. Дизайн и сроки нашего исследования сильно осложняли третий путь и сужали круг возможных информантов. Между тем добиться доверия у исследуемой группы - гастарбайтеров из Узбекистана, - в принципе не очень просто, поскольку им свойственно всего опасаться: и из-за страха перед наказанием и преследованием на родине, с одной стороны, и из страха перед правоохранительными органами в принимающем регионе, с другой.

Вот что об этом говорят исследователи. Из отчетов по Узбекистану:

"Другая проблема в проведении исследования состояла в доверии респондентов. Хотя родители интервьюеров являются уроженцами этого села и района, их многие знают, тем не менее, возникали иногда сложности в проведении интервью. Многие боялись давать интервью, потому что думали, что это необходимо для государственных структур. ... Некоторые респонденты, хотя и соглашались на интервью, на отдельные вопросы не хотели отвечать. Это в основном касалось заработанных денег. Иногда не хотели подробно рассказывать о том, чем занимаются в стране миграции".

"Вообще проводить исследование методом глубокого интервьюирования было очень сложно из-за того, что в Самарканде, да и в Узбекистане вообще, такие исследования проводятся очень редко. Люди очень боятся такого рода бесед, считая, что за этим что-то кроется опасное".

Из отчета по Казани:

"С женщинами – информантами оказалось сложнее всего. Я нашла пять женщин из Узбекистана, торговавших фруктами на рынке. Познакомились, я рассказала об исследовании. ... Две дали согласие на интервью. ... Пришлось долго «пасти» моих информантов, поскольку они обещали мне найти время для встречи. Однако прошло полтора месяца, а времени все не находилось. Мне

показалось, что эту ситуацию можно объяснить двумя причинами. Первая связана с нехваткой времени, поскольку женщинам, как они мне сказали, приходится много работать: в 4 ч. утра они едут на оптовый рынок, ... торговля ... заканчивается около 20 ч. После этого женщинам нужно было возвращаться домой – кормить детей и мужа. ... Вторая причина может быть связана с опасениями каких-то проверок, подстав и т.п. Как оказалось, уровень тревожности у узбеков высокий".

О похожих проблемах говорит и руководитель питерской группы. Однако, на наш взгляд, сложности, которые испытали российские исследователи, пытаясь получить доступ к информантам и завоевать их доверие, позволил им частично восполнить недостаток дизайна проекта: обогатить его некоторыми наблюдениями.

Сложности с получением доступа к информантам и сжатые сроки проекта послужили причиной еще одной неудачи: исследователям не удалось в должном объеме и полноте охватить все основные экономические ниши, в которых заняты гастарбайтеры, в том числе в Южном Казахстане не был получен доступ к занятым в сельском хозяйстве, на что мы рассчитывали при подготовке проекта.

Основные научные итоги

Предварительные замечания.

Начиная работу над проектом, мы понимали, что методология проекта и его сроки ограничивают нас. На многие вопросы невозможно получить релевантные ответы только при помощи глубинного интервьюирования. Так, человеку не свойственно сразу рефлексировать по поводу многих изменений, происходящих в его повседневной жизни (как и вообще рефлексировать по поводу всего повседневного, привычного, обыденного в его жизни); такие вещи исследователь может выявить только при помощи длительного наблюдения. Но тем не менее, несмотря на прогнозируемые недостатки проекта, наше исследование – большой шаг вперед в исследовании трудовой миграции на постсоветском пространстве.

Прежде всего мы собрали «живые голоса мигрантов»: массив интервью, в которых сами мигранты рассказывают о своей жизни, о своих проблемах, о том, как они сами воспринимают окружающий их мир. Таким образом мы получили возможность подходить к проблеме трудовой миграции с позиции самих мигрантов.

Следующий важный момент проведенного исследования заключается в том, что мы смогли выявить скрытые ранее аспекты исследуемого процесса, которые необходимо будет исследовать в дальнейшем.

И, главное, полученный материал позволил решить основные тематические задачи, поставленные в исследовании, а именно прояснить и проанализировать несколько общих проблем, имеющих научную и общественную важность:

1. формирование, принципы функционирования, организационное устройство мигрантских сетей, особенно в экономической сфере;
2. типичные индивидуальные жизненные стратегии иммигрантов;
3. идентичность, социально-культурные ориентации иммигрантов;
4. изменение повседневных практик и социальных норм у иммигрантов и влияние этих изменений на трансформацию общества на родине;
5. образ «принимающих обществ» (Россия, Казахстан) и обществ, откуда начинается миграция (Узбекистан), в мигрантской среде.

1. Сети мигрантов: формирование, принципы функционирования, организационное устройство

Социальные сети мигрантов в принимающих обществах начинают формироваться еще на родине. Как правило, трудовые мигранты не едут на заработки наобум. В случае, когда они едут «неорганизованно» - в одиночку или небольшими группами (два – три - пять человек родственников, соседей или друзей), то обязательно:

- в места, где живут родственники (и/или друзья, земляки, одноклассники или сослуживцы по армии), готовые помочь в первое время с жильем, регистрацией и поиском работы;
- или в места, где уже работают родственники (земляки, друзья) и зовут на уже определенную работу или обещают помочь с ее поиском;
- или же в места, где кто-то из них уже бывал и работал.

Из интервью:

«Информант: Мы же сначала тоже на пустое место не едем, мы едем конкретно, где у нас знакомые, друзья. Мы у них останавливаемся, сначала ищем работу, потом жилье. ... поначалу бригадами мы ездили, по три-четыре человека.

Интервьюер: Это все знакомые?

Инф: Да это все знакомые, друзья. Один кто-нибудь у нас оставался, находил с зимы работу на раннюю весну уже, звонил, вот мы бригадой собирались, приезжали, работали там же» (Казань: Исмаил, 41 год, обр. высшее).

Поездки наобум, без такой предварительной подготовки, иногда встречаются и, как правило, заканчиваются неудачей:

"Инф: С односельчанами поехали. В Москву, но поездка не была хорошей.

Инт: Какие трудности были?

Инф: Когда в первый раз поехали, не могли сделать регистрацию, не было знакомых, не было работы. Работали в одном месте, но нас кинули, денег не дали, мыкались туда-сюда в поисках работы, кое-как заработали на дорогу и вернулись" (Казань: Анвар, 27 лет).

Иначе мигранты едут на заработки организованно, по "набору", в "команде", которую вывозит посредник (или бригадир) (обычно это тоже земляк или чей-то родственник). Из интервью:

"Мы с младшим братом встретились с парнями из махалли. Набирал людей парень из нашей махалли. Он был посредником. Мы обсудили условия работы. Он нам сказал, что мы будем работать в фирме «Туран» г. Шымкент. Что будем ремонтировать дороги. Зарплата будет около 30 тыс. тенге. Жилье они нам предоставят, и кормить будут. Нас набрали с Намангана 65 человек" (Южный Казахстан, № 8: муж., 34 года; обр. среднее);

«Пришел друг, сказал, что в Питере у меня знакомые, там люди нужны, рабочая сила, кто в стройке понимает и вся фигня. Я спросил, сколько там платят. ...Я ехал /в Петербург/, я вообще никого не знал. ... Нет, они с Самарканда, но в разных местах, кто-то с кишлака. Впятером собрались, билет достали и приехали сюда. ... начальник с аэропорта нас встретил и привез прямо на рабочее место» (Петербург: Зафар, 24 года).

Таким образом, в основе сети мигранта в принимающей стране так или иначе лежат **родственные и/ли земляческие связи** – часто действительные (действующие), иногда конструируемые уже на месте.

В традиционных обществах – к которым относится и Узбекистан – очень высока значимость семейно-родственных связей; родственная помощь является культурной нормой. В силу же характерной особенности миграционных цепочек, когда тянутся друг за другом родственники, соседи, друзья, земляки, образуя родственно-земляческие «поселения», команды, бригады (*«Ну, знаете, у нас как бы получается, все, вот, один человек приехал-уехал и за ним, как бы когда это получается едет другие там, родственники, соседи и прочее и прочее. Я даже кого то определенного не могу сказать»* - Петербург: Ахмед, 37 лет), складывается впечатление, что в миграции эти связи становятся еще более сильными и определяющими для мигрантских сетей. Однако, как мы увидим ниже, только факт принадлежности к одной родственной, земляческой и - тем более - этнической группе не означает автоматического включения в ту или иную группу, допуска к чьим-либо ресурсам и не дает основания рассчитывать на обязательную поддержку.

На данный момент мы можем с уверенностью утверждать, что родственные и земляческие связи действительно крайне важны для мигрантов на первоначальном этапе их трудовой деятельности за границей. То же, как будут в дальнейшем формироваться сети мигранта и какую роль в них будут играть его родственники, земляки и сограждане, во многом зависит как от трудовой ситуации, в которую он попадает, так и от его личного социального капитала (знание языков, образование, "культурность"; причем у наших информантов сюда входит даже их внешность: европейский или близкий к нему тип также является ресурсом) (впрочем, взаимосвязи здесь гораздо сложнее, поскольку ситуация с трудоустройством напрямую зависит от социального капитала мигранта, а последний в свою очередь включает и наличие связей).

Анализ собранного материала позволяет нам выделить два обобщенных сценария развития ситуации с трудоустройством мигранта, определяющие соответствующие типы социальных сетей - можно условно назвать их закрытыми (узкими) и открытыми (широкими).

Узкие сети.

Первый, или закрытый тип - когда мигрант работает в "трудовом коллективе" (в строительной бригаде или на каком-либо производстве под руководством бригадира или посредника) и при этом обладает "неправильной" внешностью, плохо владеет языком принимающего региона, имеет невысокий образовательный уровень, а также, в силу отсутствия опыта, социально некомпетентен вне среды своего проживания¹.

¹ Не обязательно, чтобы в наличии были все перечисленные здесь факторы. Иногда, чтобы "попасть в сети" закрытых сетей, достаточно одного из них - это уже зависит от принимающего региона. Чем он более далек - прежде всего в

В этом случае мигранты живут замкнуто, почти не выходят за пределы стройки/предприятия, где, как правило, и проживают (или поблизости), контакты с местными или крайне ограничены или вовсе сведены к нулю:

"Инт: Ходите ли вы в кофе, чайхану?"

Инф: Вы что, мы боимся, стараемся не высовываться" (Южный Казахстан, № 10: Музаффар, 22 года, обр. средн., из Совхоза в Сурхандарьинской обл.).

Все организационные моменты: регистрация, медицинские справки и прочее берут на себя работодатели и/или бригадиры (посредники). Последние - связующее звено с внешним миром, они налаживают отношения с работодателями, милицией, местными, улаживают возникающие конфликты, организуют отправку денег домой, иногда связь с домом. Из интервью:

"Инф: ...но если вдруг им /семье на родине/ срочно потребовались бы деньги, то я мог бы передать через бригадира. ... У меня телефона нет, но у нашего бригадира есть. И с помощью его телефона мы общаемся /с родными/. ..."

Инт: Попадали ли вы в милицию?"

Инф: Нет, не попадал. Если мы работаем у хозяина, то из дома стараемся не выходить.

Инт: Бывали ли вас конфликты с работодателем?"

Инф: Конфликтов не было. Я думаю, конфликтов не было, потому что о деньгах, о работе договаривается бригадир.

Инт: Общались ли вы напрямую с работодателем?"

Инф: Нет, общались через бригадира". (Южный Казахстан, № 4: Ибрагим, 45 лет, обр. высшее, из Намангана).

Таким образом, социальная сеть этих рабочих практически не расширяется вовне. Пополнение и обновление таких рабочих коллективов также лежит в зоне ответственности бригадира/посредника и осуществляется все по тем же родственным и земляческим связям; лишь изредка в среде рабочих могут появиться такие же гастарбайтеры из других регионов.

культурном смысле - от родины мигранта, чем выше там степень ксенофобии, чем больше условий для коррумпированности сотрудников правоохранительных органов, тем меньшим количеством перечисленных характеристик должен обладать мигрант, для того чтобы оказаться замкнутым в узкие социальные сети.

Причем экономический характер самого предприятия - поездка на заработки - диктует и характер мигрантских сетей: на каких бы близких отношениях они не основывались, функционируют они прежде всего как экономические, деловые. Так, когда семья достаточно близких двум нашим информантам родственников (сестра жены одному и тетя другому) предложила свою помощь в устройстве на работу в Казахстане, где она жила, то их взаимоотношения строились не только как родственная помощь, но и как экономическое сотрудничество. И, очевидно, обеими сторонами это воспринимается как норма. Из интервью:

"Инф: Я стал спрашивать у родных, знакомых куда можно поехать на заработки. В середине апреля мы поехали на худаи к родителям жены. Там мы поговорили с сестрой жены, которая живет в Сайраме. Она замуж вышла в Сайрам, вот 20 лет прошло. Мы с женой спросили у ней, можно ли найти работу в Сайраме? И сколько можно заработать. Она предложила мне ехать с ней.она пригласила ещё трёх родственников. Один из них брат жены, другой зять, третий сын старшей сестры. ... Мы ещё дома договорились, что будем жить у Наргиза она. Муж Наргизы она встретил нас хорошо. Ведь мы с ним зятья. В первый день отпраздновали наш приезд. Затем они выделили нам одну комнату, где есть телевизор, магнитофон.

Инт: Кто вам нашел работу?

Инф: Муж Наргизы она. Он местный знает всех, кому нужны рабочие. Он договаривается о цене и о работе.

Инт: Он что-нибудь имеет с этого?

Инф: Да, он берет 10% от наших заработанных денег» (Южный Казахстан, № 5: муж., 37 лет, обр. средн. спец., из Ургенча).

Процент, который брал со своих родственников посредник, был такой же, какой брали и другие бригадиры в Казахстане, без оснований для скидок на родственные отношения. Из интервью:

"Инф: Я и мои братья, ещё с нами были четверо соседей и бригадир /поехали на заработки/- он тоже из Намангана, наш знакомый. ... Бригадир набирает группу людей, перевозит их за границу, где нужно договаривается, находит нам работу, договаривается о цене.

Инт: Сколько он получает за свою работу?

Инф: 10% от той суммы, которую мы получаем.

Инт: 10 % с каждого?

Инф: Да, с каждого» (Южный Казахстан, № 4: Ибрагим, 45 лет, обр. высшее, из Намангана).

Бригадир-«посредник».

Роль **бригадира/ «посредника»** и его особое положение в узких сетях мигрантов заслуживает и дальнейшего исследования и отдельного рассмотрения. Следует оговориться, что бригадиры практически всегда выступают в функции «посредника», то есть как связующее звено между рабочими-мигрантами и внешним миром (в т.ч. работодателями, представителями правоохранительных органов и т.п.), и именно в этом значении мы употребляем здесь эту категорию, поскольку эта функция чрезвычайно важна для сетей мигрантов. Наши информанты посредниками обычно называют тех, кто непосредственно набирает людей в Узбекистане и привозит (или отправляет) их на работу в определенные места. В этом случае понятие посредник выступает как обозначение «должности», и эти посредники почти никогда не выступают бригадирами. Именно таких посредников информанты чаще, чем кого бы то ни было, упрекают в обмане, но в массиве наших материалов, к сожалению, нет интервью с ними (если не считать интервью с руководителями национально-культурной автономии в Казани - организации, которая в стремится взять на себя и должность и функции посредника). Мы поговорим о них ниже, в параграфе «Инфраструктура. Агенты сети».

В роли бригадиров выступают люди, которые, как правило, сами являются мигрантами и часто прошли тот же путь, что и нынешние их подопечные (напр., Улугбек, Ахмед, Петербург, Алматы, № 1). Из интервью:

«Инт: Как сам бригадир попал в Казахстан?»

Инф: Впервые он приехал в Казахстан 6 лет тому назад. У них есть родственники в Шымкенте. Впервые они с братом сделали им евроремонт своим родственникам. Затем стали поступать заказ. И он постепенно начал привозить все больше народу" (Южный Казахстан, № 4: Ибрагим, 45 лет, обр. высшее, из Намангана).

Но чтобы взять на себя такие функции, мигрант должен обладать (или овладеть в процессе) большими ресурсами, нежели его родственники и земляки: по крайней мере, он должен прилично владеть языком принимающей страны (или русским), иметь профессиональные навыки, организаторские способности, авторитет и хотя бы самые необходимые для начала связи, а также быть более-менее социально компетентным в порядках принимающей стороны. Из интервью:

«Инт: Как вы искали работу, кто-нибудь помогал вам, тогда, в 1995 году, мигранты из Узбекистана были как сейчас?»

Инф: Нет, тогда такого не было. Здесь родственники и уже были, они мне советовали куда идти работать. Тогда и нашел это хлебопекарное производство. Сюда же и пришел устроился на работу рабочим.

Инт: А что за производство, какая работа рабочего, конкретней расскажите?

Инф: Начиналось как выпечка хлеба, я здесь и работал пекарем, хозяин здесь турок, сейчас у меня с ним отношения как с другом, я ему помогаю, он мне хорошо платит. За 10 лет здесь производство расширилось. Пекут хлеб, лепешки, делают пельмени, есть кондитерский цех.

Инт: За 10 лет ваша работа изменилась и кто работает в этих цехах?

Инф: Я был просто рабочим а теперь я практически руковожу. Работают разные люди, местные, а лепешки делают 5-6 человек из Узбекистана.

Инт: А у вас работают пекари, они сами приехали?

Инф: Нет, их в Андижане братишка собирал.

Инт: А как это происходит, расскажите?

Инф: Ну когда мне надо было, я позвонил братишке, он собрал людей, отправил». (Алматы, № 1: муж., 45 лет, из Андижана).

С одной стороны, бригадир в функции «посредника» является для мигрантов неким буфером во взаимоотношениях с внешним миром и гарантом соблюдения условий договора с работодателем.

С другой стороны, этот властный ресурс дает возможность бригадирам, особенно в закрытых сетях, контролировать мигрантов и манипулировать ими в своих интересах. Из интервью:

«Инт: А почему вы сами не договариваетесь?

Инф: Мы пробовали сами договориться но, когда узнавал бригадир, он нас запугивал.

Инт: Чем он вас запугивал?

Инф: Он говорил, что хозяева нас обманут, не заплатят сполна. И если мы попадем в милицию, он не вытащит нас оттуда". (Южный Казахстан: № 4: Ибрагим, 45 лет, обр. высшее, из Намангана).

Сами бригадиры интерпретируют свой властный ресурс как моральную обязанность перед своими родственниками и земляками. Во-первых, они должны контролировать своих молодых подопечных, поскольку несут ответственность перед их семьями: *«Вот у меня была бригада, которая работала, они с какими-то узбеками познакомились и те агитировали. Пошли туда работать, там заработаем, зачем тебе здесь и так далее. Потом я новых набирал. Но плохо, что потом милиция, прокуратура, спрашивала, где, что, их родители жаловались. Что те деньги не привезли, пропили, прогуляли, что я виноват» (Алматы, № 1: муж., 45 лет, из Андижана).*

Во-вторых, они несут ответственность перед самими рабочими-мигрантами: *«Если я уверен – я помогу. Вот 10 человек привозят, первую зарплату получают и уходят, бросают всех /т.е. привезенных рабочих/. Я не такой человек, если уверен, у меня три года здесь ребята работают, и ни одного месяца я зарплату не держал, каждый месяц даю. Или сам беру отправляю эти деньги, они не могут на улицу выходить, может кто-то боится. Сам иду в банк, отправляю домой, отправляю своего братишку, там пять тысяч отправляю, а он берет всем семьям раздает, мы все из одного района. <...> Там есть 4-5 человек с одного района. Он раздает, никто не жалуется, никого я не кидал. Если кто-то говорит, я приду работать, я могу сказать 100 долларов дашь, я тебя на работу устрою, у нас все такие. **Я не такой человек, я ни с кого еще денег не брал.** Своя зарплата есть, мне кто платит, мне и хватит»* (Петербург: Улугбек, 31 год).

Между тем эти слова опровергает друг нашего информанта: *«Улугбек сейчас же работает в Пушкине, он человека позовет со своего кишлака, с каждого человека, начальник дает 100 долларов. Просто так, что человека на работу пригласил»* (Петербург: Зафар, 24 года).

Впрочем, в этих высказываниях информантов есть лазейка, которая позволяет при необходимости снять противоречие. Улугбек говорит, что не берет денег за устройство на работу *с рабочих*; Зафар же утверждает, что ему за каждого работника платит *начальник*. Но нам представляется интересной следующая интерпретация этой ситуации. В русле представлений о важности родственных, соседских, земляческих связей, о необходимости поддержки и помощи внутри сообщества, *неприлично* говорить об экономической выгоде, а следует говорить о *моральной ответственности*.

Очевидно, что наличие такой фигуры как бригадир-посредник удобно и для хозяев/работодателей. Он не только может организовать приток рабочих, но еще и отвечать за их «качество»; будучи выходцем из той же среды, он способен находить с ними общий язык и контролировать их. Однако несмотря на очевидность этого вывода, в дальнейшем следовало бы включить в исследование в принимающих регионах и работодателей.

Таким образом, бригадиры/посредники, сами будучи включенными в широкую, выходящую за рамки родственных и земляческих связей социальную сеть, становятся для "закрытой" сети трудовых мигрантов центральным персонажем, выполняя роль связного (посредника) между самими мигрантами и местными работодателями (хозяевами), представителями местных силовых структур (участковыми, милиционерами), а иногда и родственниками на родине. С другой

стороны, они подчас, злоупотребляя своей властью, становятся своеобразным кордоном между мигрантами и внешним миром и могут препятствовать выходу мигрантов из рамок закрытых сетей.

Широкие сети.

Широкие (или открытые) сети формируются прежде всего у тех мигрантов, кто - или по собственной воле или вынужденно - пускается в "свободное плавание" в поисках работы. Приехав на место, где есть, как правило, необходимый для начала минимум знакомств, мигрант в поисках работы, более удобного жилья и т.п. постепенно осваивает незнакомое социальное пространство, расширяя круг своих связей.

Поиск работы осуществляется в основном двумя путями: через знакомых (родственников, земляков) и по объявлению. Последний из наших информантов использовали преимущественно женщины, что объясняется, на наш взгляд, прежде всего характером искомой работы: по объявлению устраиваются в заведения общественного питания и магазины. (В СПб он увенчался успехом (Умида, Петербург; Адиба, Самарканд), в Москве после бесплодных попыток две наши информантки-подруги (Мавлюда, Шохид, Андижан) вынуждены были обратиться за помощью к брату одной из них, работавшему на рынке. Но возможно они просто не там и не то искали: по их рассказам, они ходили в основном по фирменным магазинам).

Занимаясь поиском работы, информанты постепенно обрастают знакомыми - как местными, так и другими мигрантами, - которые становятся для них прежде всего источником информации и проводниками в новом социальном пространстве. Из интервью:

«Ну, вообще конечно там, вот даже к любому к нашему подойдешь, вот просто скажешь свои проблемы, он конечно подскажут, куда можно пройти, к кому пройти, если какой - то есть вариант они подскажут, что вон там то есть допустим квартира или место для работы» (Самарканд: Хабиба, 43 года).

В процессе освоения этого пространства мигранты находят оптимальные пути решения своих проблем при помощи новых агентов сети. В качестве примера мы кратко опишем историю Мурата, мигранта из Самарканда, о котором упоминалось во введении². Судя по материалам интервью, похожий путь проходят многие. Ему 20 лет, он закончил среднюю школу, очень хочет учиться дальше, но пока не может себе позволить, прилично владеет русским языком и обладает

"правильной", европейской внешностью. У себя на родине он абсолютно социально адаптирован, энергичен и работоспособен, однако турецкие предприятия, где работал он и его отец закрылись и семья (в которой две дочки на выданье) решила отправить Мурата в Петербург.

Здесь его встретили родственники, которые работали на стройке в одном из пригородов города, и, не владея языком, жили там безвыездно и без регистрации. Поскольку у Мурата другие (и далеко идущие) планы, он сразу договорился о регистрации с таксистом, и вскоре перебрался к двоюродному брату, уже год жившему в Петербурге, и начал работать с ним продавцом в небольшом магазинчике. Он намеревался заниматься тем, что умеет: работать поваром или официантом, но, как сказал другой информант, *"пока я разрешение на работу не сделаю, я буду здесь работать"* (Петербург: Рахмат, 43 года, обр. средн.-спец.).

Так, очевидно, поступает большинство мигрантов: поскольку у них с собой минимальное количество денег (на дорогу многие занимают), они сразу берутся за любую работу, на которую их могут пристроить знакомые, чтобы хоть что-то зарабатывать, пока оформляются документы или не найдется желаемая работа. Из интервью:

"Сначала /в автопарк, где сейчас работает/ сюда, пока приняли, пришлось в Кронштадт. Я там почти не лежал, сразу, как приехал пошел на катер, стал работать. <...> Там мой брат работал, вот пока он дом ездил я туда пошел работать" (Петербург: Шариф, 39 лет, обр. средн.).

Затем Мурат позвонил одному из исследователей, с которым были хорошо знакомы его родители в Самарканде, и в последующие несколько месяцев, пока он не "оброс" своими собственными связями, активно использовал исследователей и ЦНСИ, в котором они работали, для решения своих проблем, что и позволило последним наблюдать, как происходит процесс освоения мигрантом новой среды и формирования мигрантской сети.

Всю информацию о законах и порядках для приезжих, о каналах и способах решения тех или иных вопросов, Мурат черпал исключительно из устных источников, попадая в какие-либо официальные институты (агентство, миграционная служба и т.п.) только через и вместе с исследователями. При этом устным источникам он явно доверял больше.

Квартира, в которой он жил с братом, вся сдавалась мигрантам: в каждой комнате жило по несколько человек, и стоило проживание недорого (1500 тысячи рублей в месяц). Они делились

² Описание дано по материалам полевого дневника Елены Чикадзе.

друг с другом опытом и информацией. Постепенно появлялись новые знакомые среди тех, кто работал рядом с их домом.

Как осваивалось новое жизненное пространство и использовались новые связи видно по истории с его регистрацией. После первой, неудачной, сделанной у таксиста, ему пришлось обратиться (по совету и при участии исследователей) в специализированное агентство; в следующий раз ему помог хозяин магазина, в котором он работал; а очередную регистрацию ему сделал официант из ближайшего к его дому кафе. Этот молодой человек в частном порядке оформлял регистрацию и одновременно разрешение на работу нуждающимся, причем брал он за услуги сравнительно меньше, нежели агентство. Так что через полгода у Мурата уже была сеть, с помощью которой он мог решать все свои проблемы, не прибегая к помощи институций.

Инфраструктура. Агенты сети.

Отчасти Мурату повезло, поскольку он практически сразу попал в такой микрорайон города, где сконцентрированы гастарбайтеры и существует своеобразная **инфраструктура** по их обслуживанию.

Как правило, такие районы формируются вокруг мест, где они преимущественно работают - часто это рынки. Так, например, в Петербурге поблизости от Кузнечного рынка располагаются: фирма, которая предлагает полный набор услуг для мигрантов³; офис юриста, занимающегося проблемами мигрантов; несколько кафе, которые специализируются на восточной кухне и принадлежат, как правило, "бышим мигрантам". Здесь же есть квартиры, в которых мигранты могут снять койку/угол/комнату⁴.

В Москве, по свидетельству наших информантов, нечто похожее существует, например, у метро "Кузьминки" вокруг Афганского рынка.

Причем оседают в таких районах не только те, кто работает на рынках (а после вступления в силу в январе 2007 года Постановления Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории Российской Федерации» - и не столько они). Очевидно, сначала «спрос сформировал

³ Оформление регистрации и разрешения на работу, аренда жилья, организация выезда и въезда через ближайшую границу для оформления новой регистрации и пр.

предложение»: инфраструктура стала складываться вокруг рынков, где работали мигранты. Затем уже новых мигрантов стало притягивать в эти места «предложение». Но, безусловно, это вопрос, который еще предстоит исследовать более детально.

Также представляется достойным изучения роль таких агентов в сетях мигрантов, как таксисты. В российском материале мы лишь дважды столкнулись с упоминанием о таксистах: в Петербурге таксист делал регистрацию, в Казанском аэропорту «свои» таксисты знают, куда отвезти и направить мигранта. В случае миграции в Казахстан их роль гораздо более значительна: они помогают мигрантам преодолевать границу между Узбекистаном и Казахстаном, им отдают заработанные деньги, поскольку они не проверяются таможенниками, и т.п. Из интервью:

«Инф: в Узбекистане милиция берет паспорт, того нет, этого нет.

Инт: Придираются что-ли?

Инф: Да.

Инт: А как вы решили эту проблему?

Инф: А мы таксистам давали деньги, они сами решали.

Инт: То есть таксисты сами решают проблему?

Инф: Да» (Самарканд: Назир, 28 лет, обр. высшее).

Более того, у тех, кто регулярно ездит на заработки, есть «свои», проверенные водители, однако и с ними мигранты разработали тактику, которая защищает их от обмана:

«Договариваемся с шоферами, которые гарантируют доставить тебя в Ташкент, до вокзала Куйлюк, без проверок, без обысков. Для этого у нас есть знакомые шофера. Мы даем телефонные номера, после доставки нас, мы звоним, что все в порядке и они получают свои деньги. И когда выезжаешь, то только со знакомыми шоферами. Есть только 2-3 хороших знакомых шофера. Договариваешься только с ними. На другие машины мы не садимся. Это люди, которые уже много лет так себе зарабатывают, у них уже свои завязки с таможеней, их никто не задерживает на таможенях и границах» (Андижан, № 10: муж., 31 год, сред. спец. обр.).

Как видим, для группы таксистов именно перевоз через границу и преодоление всех пограничных преград для мигрантов стал спецификой их работы, возможно поэтому информант даже называет их не таксистами, а шоферами (хотя, возможно, это специфика перевода). Но как бы то ни было,

⁴ Как известно в том числе и из других исследований, и из бытовых наблюдений, снять жилье для приезжих с "не русской внешностью" в российских городах очень непросто. Большинство объявлений сопровождаются

можно говорить о существовании специфических услуг для мигрантов и возникновении соответствующих специализаций. К ним относятся и «посредники» - то есть те люди, которые занимаются «вербовкой» и доставкой рабочей силы.

В наших интервью, помимо простых упоминаний о посредниках (это, как правило, в тех случаях, когда все было в порядке), есть и несколько рассказов о неудачном опыте выезда на заработки через посредника. Вот один из них:

«В прошлом году поездка была неудачной. Вернулся домой через 20 дней. Уехал в августе. Мне предложил сосед. Он сказал, что есть хорошая работа. Я согласился. Так мы с ним поехали в Алма-Ату. Действительно работа была хорошо оплачиваемой, но обман был в выплате денег. Нам не давали зарплату. Поэтому получив свой аванс 100 долларов, я вернулся, домой привез 50-60 тысяч сум, остальные ушли на проезд обратной дороги и питание. И хорошо, что вернулся, потому что многие остались продолжать работать еще 5-6 мес. Они больше всех обманулись. Им не заплатили за работу. Вернее хозяин стройки выдал деньги за работу, а посредники растратили эти деньги и не выдали рабочим зарплату. Обманывали их, говорили, что заплатят в конце работы. Но так и не заплатили. Работали мы на стройке в частном доме. Кроме нас работало еще несколько бригад одновременно. Посредники были с Казахстана, Китая, Ташкента, и наш односельчанин» (Андижан, № 10: муж., 31 год, сред. спец. обр.).

Судя по рассказам информантов, посредниками довольно часто выступают их земляки. Это должно давать гарантию выполнения данных обещаний, однако, несмотря на угрозу осуждения со стороны сообщества, обман с их стороны встречается не так уже редко (см. также Петербург: Едгор). В следующей цитате интересна попытка оправдать «своего» посредника, переложив основной груз вины на «чужого»:

«За то что он нас обманул он очень сильно пострадал. Его перестали уважать на селе, у него упал авторитет среди махаллинцев. Сейчас он очень страдает, не может людям показаться на глаза. Ему никто не верит. Но я считаю, что он сам оказался жертвой обмана. Его обманули его же коллеги – посредники, которые разделили деньги между собой. Но он тоже виноват – не нужно было этого допускать. Больше всех виноват был ташкентский посредник. Говорят, что у этого посредника в Ташкенте большой авторитет, но он стал в последнее время часто обманывать людей. Оказался мошенником» (Андижан, № 10: муж., 31 год, сред. спец. обр.).

примечаниями, которые исключают из возможных съемщиков лиц "кавказкой" и "азиатской" национальностей.

Другой агент, довольно часто возникающий в рассказах наших информантов, - это "азербайджанцы". Прежде всего они упоминаются как работодатели, особенно если речь идет о СПб или Москве. Конечно, напрашивается объяснение о близости азербайджанцев и выходцев из Средней Азии: и те и другие мусульмане. Однако думается, что объяснение лежит в другой плоскости: азербайджанцы относятся к предыдущей волне трудовой миграции - начала 1990-х годов. За эти годы они успели легализоваться в России и подняться на следующую ступень в социально-экономической иерархии мигрантов, уступив предыдущую – нижнюю – позицию новым мигрантам. При обсуждении этого предположения нам возражали, что азербайджанцы никогда не работали дворниками (сейчас в Москве, по крайней мере в спальных районах, дворники действительно в подавляющем большинстве выходцы из Средней Азии). Но и наши информанты работали/ют у них или продавцами в магазинах/на рынках, или в ресторанах/кафе, во-первых, и во-вторых, приехав в Россию, азербайджанцы тоже не сразу стали "держат" рынки и владеть магазинами и кафе⁵. В любом случае, представляется, что эта тема достойна дальнейшего исследования и размышлений.

Более подробно наши информанты рассказывают нам о некоторых своих квартирных хозяевах или просто местных знакомых, с которыми у них возникают длительные дружеские отношения, включающие обязательную историю взаимной поддержки и помощи (когда за приют и помощь наши информанты делают ремонт или ухаживают за садом/огородом). Из интервью:

"...здесь мы сейчас находимся в кишлаке, деревня, прошлом году работали, здесь была один бабуля, мы с ней познакомились, у нее муж нету.

Инт: Вы ей помогли?

Инф: Да, да огород помогли, копали, поливали, за это она нас еще приглашали, как сказать, ну места дали, вот здесь ночуем. Спокойно, все удобства есть, короче, и живем" (Казань: Ильхам, 55 лет, обр. средн.). (См. также: Зафар, Улугбек, Петербург и др.).

Родственные и земляческие связи. Солидарность/конкуренция.

Среди трудовых мигрантов существует довольно жесткая конкуренция и в их взаимоотношениях главенствует экономическая выгода. Многие из информантов отмечали, что "там каждый сам за себя":

«...там нельзя просто так сидеть сложа руки, никто друг другу не помогает» (Самарканд: Адиба, 47 лет, обр. высшее);

⁵ Это мы наблюдали в исследовании, которое проводило ЦНСИ "Кавказцы в большом городе..."

«Инф: Особенно, особенно киргизы, они очень дружно помогают друг другу и они очень хорошо выручают, вообще во всех отношениях <...>

Инт: А наши не помогают?

Инф: А наши, они сильно не помогают, вот Бухара еще более менее, но Ташкент, Узбекистан, из Самарканда – нет.

Инт: Друг другу не помогают?

Инф: Друг другу нет, каждый сам за себя» (Самарканд: Хабиба, 43 года).

Однако эта же информантка в интервью рассказывала, как помог ей с мужем в Улан-Удэ директор рынка, выходец из Китая:

"Инф: Мы пошли на рынок, оказалось, что рынок пустой, что там можно было договориться и директор очень хороший человек оказался, он из Китая, вот Ван-Тау, он нам посоветовал, место нам дал и в общем даже помог нам, мы какое-то время не платили налоги".

И далее: *"Вот, а уже местные наши узбеки, они просто на время взяли нас, ну это так делается везде, когда новички приезжают обычно друг друга выручают, так забирают к себе, пока они не найдут себе что-то.*

Инт: А на каких условиях?

Инф: Ну вот например...

Инт: За плату?

Инф: Нет, просто они нас пригласили, во - первых, и им было легче оплачивать квартиру, из материальных условий наверное для этих вот соображений" (Самарканд: Хабиба, 43 года).

Но при этом информантка после интервью поведала исследователю о том, что «наши узбеки» не только не очень помогают друг другу, но и «очень часто обманывают свои».

Другой информант так вспоминает о своих друзьях, с которыми совершил свою первую поездку в Москву:

«Инф: Я с ними не хочу общаться, они хитроватые.

Инт: А тут не хитроватые?

Инф: Вот, например, им там кинуть ничего не стоит, хотя они свои земляки, друзья» (Рахмад, 43 года, Петербург).

Вот что рассказывает о взаимоотношениях внутри узбекского сообщества на рынке Казани Якутхан:

"Нет, у меня узбеками не общаюсь я, иногда общаемся. А так вот здесь, некоторые общаемся... Ну, я основные вот друзья есть у меня, вот, татарин, татарка, татарин, так общаемся у нас там. Ну, на рынке, вместе в гости ходим, вот так. На базаре чуть-чуть дрались, я много раз дрались, ребятами ли, вот так. Ну, спор будет же все равно, вы дорожке продаете, вы дорого продаешь, вот так, базарское слово будет же?" (Казань: Якутхан, 42 года, обр. средн. спец.).

Но в другом казанском интервью читаем:

"Инт: У Вас появились какие-то знакомые среди местного населения?"

Инф: Да. Здесь все приезжие с Узбекистана, они как наши земляки, как братья, сестры, свои соседи, так говорят, близкие они" (Казань: Ибрахим, 45 лет, обр. высшее).

Думается, что эти высказывания можно принять за противоречивые только на первый взгляд. Очевидно, существуют разные ситуации и разные виды помощи и поддержки. Помочь советом, поделиться информацией, пустить жить на "свою" площадь (деля при этом на всех поровну арендную плату) - это то, что "делается везде". Дать денег в долг, устроить к себе на (свою) работу - это уже помощь не для всех. Доверие в сетях не может строиться только на основании принадлежности к одному государству или этнической группе; и даже дружеские отношения не гарантируют честности партнеров.

Безусловно, наиболее важны родственные связи: близкие (дети-родители, братья-сестры) - по определению - "родная кровь". (Андижан - Москва - Кузьминки - подруги, братишки. - Однако она не сразу стала жить с братишкой, который "обитал в вагончике и болел" и которого "жалко, поскольку родная кровь", а только после того, как подруга вызвала на заработки своего брата и ей пришлось уступить свое место ему.).

Однако и родственные отношения подвергаются «проверке миграцией»:

«Инт: А здесь у тебя из родственников вот только жена Ахмеда?»

Инф: Есть, но я не хочу звонить. Моей тетки дочка.

Инт: Почему не хочешь ей звонить?

Инф: Один раз ей позвонил, говорит приеду, перезвоню, не позвонила. Как тебе сказать, мужская гордость, она уже сейчас 100 процентов думает, вот он приехал, надо помочь, деньги будет

просить, туда-сюда, а я не буду звонить. На работу пойду, деньги будут, позвоню. А сейчас не хочу звонить» (Петербург: Рахмад, 43 года).

Или отрывок из интервью нашего казанского информанта:

"На заработки здесь вот дядька, не мой, жены дядька, да, здесь усвоился уже, с семьей там живет и вот он приглашал меня раньше. А я вот сам астматик, да и сильно болел тогда, я говорю: «Я не смогу сейчас приехать, дайте я выздоровлю, потом приеду". А когда выздоровел, он говорит: там прописка начали, процесс трудно стало. И потом я себе дал клятву, что так сказать, все равно один раз Казань я увижу. <...> Здесь вот чисто из-за этого приехал, когда болеет человек, его зовут, а как выздоровел, его отказываются звать. А и нарочно я приехал и вот до сих пор я у них не был, так звоним, общаемся так. Если жена приедет, может через нее в гости я схожу, ради нее" (Казань: Руслан, 43 года, обр. среднее).

Очевидно здесь также сталкивается традиционное представление о необходимости поддержки и помощи в родственном круге с довольно жесткой реальностью жизни гастарбайтеров.

Вряд ли только культурной важностью родственных связей можно объяснить ситуацию, о которой рассказала интервьюеру одна из информанток:

"В коллективе узбеков идёт большая конкуренция, причём она в коллективе изгой, так как все остальные родственники. Все узбеки хотят поехать в Россию на заработки, но боятся, что их обманут, поэтому те, кто уже здесь находятся стремятся перетащить своих на то же место работы. Все ищут каналы, по которым можно попросить и капают друг на друга. Очень хочет, чтобы приехал и её муж, даже просила об этом директора, но он пока тянет и ничего не обещает. В коллективе две женщины уборщицы, вторая её ненавидит, но внешне делает вид, что дружит, так как плохо говорит по-русски, и Насиба ей помогает ходить в город покупать продукты, так как имеет славянский тип внешности и хорошо говорит по-русски, хоть и с акцентом. Также Насибу защищает знакомый таджик, которого боятся, но ему есть выгода от этой защиты, так как он тоже тёмный и боится ходить по городу с деньгами. Насиба помогает ему проносить деньги до почты" (Петербург: Насиба, 36 лет, обр. среднее; из полевого дневника Олеси Шайдук).

В силу широты представлений о семье и обязанностях взаимопомощи внутри родственного клана, стремление выжать "чужого" и вызвать на работу своего родственника может означать не только

силу родственных связей и их преимущество перед земляческими (этническими), но и преследовать вполне прагматическую цель: чем меньше у меня бедных родственников, тем меньше у меня обязанностей по отношению к ним. Это с одной стороны, с другой – принадлежность к одному родственному клану (так же как к сообществу соседей, односельчан и пр.) дает возможность и большего социального контроля и повышает степень доверия. В любом случае, представляется, что эта тема требует дальнейшего исследования, и вряд ли следует слепо идти за объяснением, лежащим на поверхности.

Общественные организации мигрантов.

На наш взгляд, требует дополнительного изучения роль узбекских общественных организаций в формировании и функционировании мигрантских сетей. Так, по словам руководителя Узбекской автономии в Казани, их организация взяла на себя контроль за потоком трудовых мигрантов из Узбекистана в Казань, защиту их прав и урегулирование взаимоотношений с предприятиями. По их инициативе были выбраны старосты среди земляков (ферганских, андижанских и т.д.). Однако из десяти информантов восемь ни разу не упомянули об автономии, рассказывая о своем опыте пребывания в Татарстане. Двух оставшихся информанток представили исследователю для интервью именно в автономии. Но вот как одна из них - Якутхан, приехавшая из Андижанской области, рассказывает о своем приходе в организацию: *"Мы телевизор смотрим - и Абдуманноб ака я увидела, вот андижанский да, по телевизору когда-то вот 10 человек было..."*. То есть она увидела своего земляка, что и заставило ее начать его поиски и прийти в организацию. Она торгует на рынке и является старостой андижанских женщин, и поскольку о старостах кроме нее и руководителей автономии больше никто не говорил, не выбирались ли они лишь в рыночной и околорыночной среде мигрантов?

Имеющегося у нас материала еще недостаточно, чтобы прояснить, какую роль играют / могут играть в жизни мигрантов этнические (национально-культурные автономии, общины и проч.) организации, создаваемые в принимающих регионах. Будут ли они выполнять роль "посредника", решать правозащитные задачи; по какому принципу объединять или разделять людей - эти и другие вопросы еще требуют дальнейшего изучения.

2. Типичные индивидуальные жизненные стратегии мигрантов

Собранные исследователями интервью не отражают всего многообразия стратегий трудовых мигрантов. Некоторые же стратегии, представленные в нашем массиве, не назовешь типичными (например, Равшан, Самарканд, который работал в узбекском отделении одной из западных фирм

и после его закрытия был приглашен этой же фирмой в ее Казахстанское отделение; или Умида, Петербург, приехавшая в Россию, чтобы помочь брату, попавшему в тюрьму; и др.). Но мы можем выделить следующие типичные жизненные стратегии мигрантов.

1. Пассивная и краткосрочная, нацеленная только на заработок для обеспечения семьи (женильба детей, постройка/ремонт дома и т.п.). Нет стремления к интеграции в местное сообщество принимающего региона. Закрытые сети.

Такой мигрант едет на заработки в бригаде/компании своих родственников и/или земляков; как правило, уже на определенную работу. Работает под началом бригадира из своих же, на которого возлагаются и обязанности по общению с "внешним" миром: обсуждение условий с работодателем, решение проблем с регистрацией, разрешение конфликтных ситуаций. Через него же организовывается отправка денег домой, иногда связь с домом.

Живет такой мигрант или прямо на работе (в специально отведенном для этого месте) или поблизости от работы; часто без регистрации (взаимоотношения с милицией улаживает работодатель или посредник). Работает по очень плотному графику, иногда даже без выходных или с одним выходным в неделю. Почти не интересуется окружающим внешним миром и старается не покидать места работы/жилья - и по причине усталости, отсутствия любопытства, и из страха. Причем последний, как правило, присутствует даже в тех случаях, когда документы мигранта в порядке и вызван часто не реальными столкновениями с ксенофобией со стороны местного населения, а рассказами о них, циркулирующими как на родине мигранта, так и в сетях (прежде всего закрытых). (Вспомним, например, угрозу бригадира).

Из интервью: *«Свободного времени не было. Телевизора, радио у нас не было. Да и желания не было. Только работали и от усталости отдыхали. В город не выходили (Алма-Ата, зона «Медео»).* Работали от рассвета до заката. Большого желания погулять по городу от усталости не было. С местными жителями в контакт не вступали. Местного населения почти не было. Мы работали на окраине города. Нас охраняли охранники. Если выходили за пределы стройки, то они спрашивали нас зачем, и не выпускали нас» (Андижан, № 10: муж., 31 год, сред. спец. обр.).

Заработанные деньги - в зависимости от срока пребывания и личной ситуации - переправляют на родину (с оказией или при помощи банковских переводов - способ зависит и от расстояния, и от

того, насколько выше/ниже процент от банковского перевода от возможных потерь при переводе денег через границу, т.е. таможеню).

По окончании работы или сезона мигрант возвращается домой. Если поездка была вызвана необходимостью обеспечить какое-либо предприятие (свадьбу, покупку или ремонт дома, например), и позволила его осуществить, то следующая поездка может и не планироваться, хотя, видимо, это становится постоянным циклом – и потому что «предприятия» никогда не кончаются, и потому что определенный уровень жизни требует поддержания (см. об этом ниже).

По возвращении домой меняется материальное обеспечение семьи, а вот как меняется и меняется ли социальный статус семьи – возможно, заработки за границей помогают поддерживать статус на прежнем уровне - это, как представляется, вопрос дополнительного исследования.

2) *Активная и долгосрочная, нацеленная* не только на обеспечение семьи (и всего, что она требует), но и *на образование детей, возможность открыть какое-либо дело на родине*. Сети чаще открытые.

Из интервью: *"Они /заработанные деньги/ пойдут на учебу моих сыновей, дочери. Я хочу, чтобы у меня дети были грамотные. Одна сын у меня этот год заканчивает десятый класс"* (Казань: Ибрахим, 45 лет, обр. высшее).

В поисках работы мигранты полагаются прежде всего на себя и собственные силы. Активно осваивают новое для себя социальное пространство и его культуру, приобретают новые навыки (Например, Адиба (Самарканд), научившаяся делать «европейские салаты», или Едгор, освоивший почти все специальности ремонтника (Петербург) и многие другие).

По возвращении могут использовать приобретенный опыт для трудоустройства; могут пересматривать и подвергать критике некоторые обычаи традиционного общества (например, Адиба, Самарканд, удачно устроившаяся по возвращении домой на работу, критикует обычай тратить большие деньги на свадьбу и говорит, что будет женить сына скромнее и ей «наплевать на то, что будут говорить люди»,).

Однако намерение открыть свое дело на родине и, соответственно, заработать необходимый для этого капитал (*«[хочу] телевидение открывать. Как трудно, вот я покупаю здесь четыре-шесть компьютеров, еду туда, вот у меня сейчас одна камера, здесь покупаю еще два-три-четыре*

камера, еду там, у меня вот специальность есть, магазин там. <...> Это я открываю свою собственное телевидение. <...> Вот это я мечтаю» - Петербург: Едгор, 23 года, обр. среднее), подчас вынуждает мигранта беспрерывно, на износ работать, оставаясь за границей по несколько лет. Но эта же напряженная работа заставляет и пересматривать свой прежний образ жизни дома, иначе относится к некоторым обычаям (ср. с Адибой, Самарканд):

«Трудно. Каждый год я собираюсь ехать /домой/, не получается у меня, остаюсь здесь. И сегодня если хочу уезжать, кто-то скажет: “есть вот такая-такая работа нормальная. Сделай это, получаешь нормальные деньги”. Считаю – нормальные, все, я остаюсь. Сделаю, уже старший, уже начинаю. Как уезжаешь – работу бросаешь, деньги теряешь. Домой поедете, вот видите маму – три-четыре недели там гости будут. Там же как жили раньше, так и живем – тратить деньги... Все, не хочу» (Петербург: Едгор, 23 года, обр. среднее).

Несмотря на все сложности, свое будущее эти мигранты связывают только с Узбекистаном:

«Где бы ты ни был: тоска по Родине (по –русски), все равно я скучала по Самарканду, по лепешке, наш хлеб особый, столько всего, но мясо там не то все равно, Джамия. Хлеб наш азиатский, воздух другой, все у нас есть, дыня, арбуз, все натуральное, фрукты-мрукты натуральное. Только приехали в аэропорт: эх, аллах, были бы деньги и жить бы здесь в своём Самарканде, Узбекистане. И я не мечтаю жить в другом месте(смеётся)» (Самарканд: Адиба, 47 лет, обр. высш.)

3) *Активная и долгосрочная, нацеленная на открытие бизнеса или выстраивание карьеры за пределами родины.* Эта стратегия очень близка к предыдущей, особенно если учесть, что подобные планы и перспективы могут появиться у мигранта уже в процессе трудовой деятельности в принимающем регионе, но тем не менее наличие таких, уже оформившихся на сегодняшний день, стратегий у некоторых наших информантов дает нам право выделить ее как отдельную.

Эта стратегия обязательно предполагает и открытые широкие сети, и активный процесс интеграции в местное сообщество (между тем как предыдущая может все же осуществляться и в узких или относительно узких сетях и при слабой интеграции). Семейные мигранты могут выезжать сначала в одиночку, и позже перевозить семью, как это сделал, например, Улугбек (Петербург); или могут выехать взрослые и уже позже забрать детей, как Хабиба с мужем:

"...и мы решили купить машину, пусть старенькую, но мы купили машину. Когда мы купили машину, у нас товароборот стал лучше, во-первых мы сами стали ездить уже за товаром, сами привозить, у нас уже дорожных расходов стало меньше и, естественно, мы отправляли домой, но не очень большую сумму, так чисто на питание, может быть, на какие-то расходы детям, а так, в основном мы вкладывали, вот сейчас на данный момент у нас там 3 магазина, ну 3 отдела, 3 отдела в общем, сыну взяли компьютер для работы, потому что там, где мы живем, там нету таких услуг, по компьютерным делам, вот, и, ну купили оборудование мы, машинки, потому что там пошивочных цехов нету, и ателье тоже нету, там все тоже как у нас, все покрывалось, предприятий таких никаких нету" (Хабиба, 43 годп Самарканд).

Улугбек начинал в Петербурге как простой строитель, но со временем стал бригадиром и намеревается в скором времени всей семьей подавать документы на российское гражданство. Однако обе семьи не хотят разрывать связи с Узбекистаном и намереваются вернуться туда (в пенсионном возрасте или, как выразился Улугбек, «умирать»):

"Жить мы хотим там /в России/, но вернуться мы обязательно хотим сюда /в Самарканд/, потому что здесь у нас корни, здесь наша семья, наша Родина, наши традиции, все равно вот это все наше, там вот этого всего не хватает, а работать конечно мы будем там" (Хабиба, Самарканд).

4) *Молодежная стратегия*, которую также можно назвать стратегией «без цели заработать капитал» (или стратегией, «нацеленной на получение удовольствия» и т.п.), когда тяга к развлечениям и юношеское любопытство к окружающему миру стремятся пересилить долг перед семьей.

Ни один из наших информантов в чистом виде не представлял своим опытом миграции подобной стратегии, однако мы все же сочли возможным ее выделить. Во-первых, потому, что некоторые из информантов хотя бы какой-то период своего пребывания за границей именно так себя и вели (например, Зафар, Петербург или двоюродный брат нашего Мурата).

Во-вторых, потому что некоторые из молодых информантов говорят о своем желании придерживаться такой стратегии:

"...там /в Москве/ жизнь лучше. Можно жить на квартире, работать и достаточно. Например, если бы я жил один, и не присылал бы сюда, мне бы хватало запросто на все: и одежду, и

питание, и житье. То, что я зарабатываю Там есть такие ребята, которые не посылают, там работают. Они давно уже там, у них контроля нет, никто не направляет на путь, сами себе хозяева. А меня мама всегда ругала, когда день зарплаты, я сразу отдавал маме. Вот так. <...> Да, если получится, то останусь! <...> Там должна быть квартира, там бешено стоят, там считают каждый квадрат. Надо покупать свою. На хорошую работу устроиться. Или надо найти дочь богатого (смеётся – прим.автора).Вот так" (Самарканд: Али, 18 лет, обр. 8 классов).

К тому же о существовании людей, которые выбирают именно такую стратегию, рассказывают в интервью другие информанты:

"Некоторые уже живут четыре года, но ничего не собрали, есть и такие. Только кушают, живут в своё удовольствие. Есть и такие. Я видела и таких людей. Поэтому все зависит от самих людей. Если едешь ради денег, чтобы трудом заработать , накопить, то такие делают деньги. Экономят, что-то находят. А те, кто только жрут, кайфуют, им и 300-400-500 долларов ни на что не хватает. Вот например есть такие ребята из Чор-раха (это махалля в старом городе. Откуда родом сама Адиба), их много, ходят пьют, с девушками гуляют, я видела и таких. И таких много» (Самарканд: Адиба, 47 лет).

Между тем, известны случаи, когда таким образом ведут себя вполне взрослые мужчины: уезжают на заработки и пропадают для дома и семьи, живя в свое удовольствие или заведя новую семью (Например, муж Шохиды, Андижан, № 3).

5) *Женская стратегия.* Конечно, феминистская сущность женской части нашего авторского коллектива не может не протестовать против подобного проявления гендерной дискриминации. И действительно, если рассматривать обычные случаи, то стратегии женщин мигрантов практически ничем не отличаются от мужских (разве что характер работы у них разнится).

Единственное, что мы, скрепя сердце, все же решили выделить - это стратегии разведенных, или "неправильных" женщин. Действительно, в традиционном обществе разведенная женщина, как правило, маргинальна. На ее поведение в сообществе накладывается множество запретов; статус ее обычно гораздо ниже, чем, например, у второй жены. Поэтому для нее миграция - это не только способ получить материальную независимость и финансовую возможность "поднять" детей, но и путь преодоления маргинальности своего положения. Поскольку в России отношение к разведенной женщине (да и к женщине вообще) иное, нежели в Узбекистане, многие из мигранток выбирают стратегию "невозвращения" (Хидаятхон, 44 года, Якутхан, 42 года, Казань).

3. Идентичность, социально-культурные ориентации иммигрантов

Вопрос об идентичности мигрантов из Центральной Азии принадлежит к тем вопросам, которые обычно выпадают из поля зрения исследований миграции. Мы попытались отчасти восполнить этот пробел, указав интервьюерам на необходимость затронуть в беседах с мигрантами темы языка, национальности и религиозности.

Национальность

Вопрос о национальной идентичности является для мигрантов рутинным. Советская политика институционализации национальности, продолженная в независимых среднеазиатских государствах, называющих себя «национальными», не оставила людям возможность для выбора и осмысления своей национальной идентичности. Выпадают из этого общего ряда лишь жители Самарканда, для которых существует конфликт между узбекской идентичностью и таджикским языком, который они употребляют в быту (Адиба, Самарканд; Алишер, Самарканд; Диля, Самарканд; Хабиба, Самарканд; Зафар, Петербург; Феруз, Самарканд; Ёдгор, Петербург). Однако и в данном случае вопрос об идентичности не возникал в интервью в контексте рассказа о миграции, а был спровоцирован интервьюером. За одним исключением: один из информаторов рассказал о спорах между ним и узбеками-мигрантами из Таджикистана, с которыми они вместе работали и которые стали активно возражать против того, чтобы он называл себя узбеком, поскольку он говорит на таджикском языке (Алишер, Самарканд). Еще один информант признался, что хотя в Самарканде он себя считает таджиком, но в Москве – узбеком, из Узбекистана (Кудрат, Самарканд). Этот последний факт, видимо, отражает господствующую тенденцию «забывать» за пределами своей страны об этнических идентичностях, которые не являются актуальными в миграции, и принимать знакомый принимающему обществу ярлык принадлежности к определенной стране и «титульной» национальности⁶.

Особую категорию составляют мигранты смешанного происхождения (узбекско-русского, узбекско-татарского, таджикско-татарского). В некоторых таких случаях вставал вопрос о национальности детей, которые переехали вместе с родителями в Россию, и вопрос решался пользу выбора русской национальности (Ирина, Петербург; Насиба, Петербург).

Национальность не является препятствием для общения в миграции. Выходцы из Узбекистана активно вступают в контакты с другими мигрантами, с работодателями, какой бы национальности

⁶ Даже в том случае, когда именно благодаря этой идентичности осуществилась эмиграция: например так, как советские евреи в США или российские немцы в Германии становились русскими.

они ни были – казахами, русскими, татарами, таджиками, азербайджанцами, арабами, черкесами, китайцами, армянами, дагестанцами и т.д. Конфликты, иногда возникающие с местным населением или с представителями (правоохранительных органов) не воспринимаются информантами как межнациональные.

Было несколько случаев, когда земляки на родине называли мигранта, немного в шутку, «русским» или «казахом» за новые манеры, которые он приобрел в стране, куда уехал. Это новая прическа и, возможно, новая манера поведения – *«он не стесняется»* (Алишер, Самарканд), новый статус не вполне «своего»: *«они считают, что мы съездили, общались с русскими, сами стали как русские. Забыли наши обычаи, традиции. Так думают про нас. А на самом деле это не так», «иногда, подшучивают, прикалываются – он же как бы обрусевший»*, хотя ездил в Казахстан (Назир, Самарканд)⁷. Однако в данном случае речь идёт о своеобразной «культурной» идентичности, о которой мы скажем подробнее ниже.

Региональность

Если национальность незаметна в рассказах мигрантов-узбеков, то локальные идентичности, отсылки к месту проживания и «своим», т.е. жителям своего села, своего района и своей области, встречаются постоянно и занимают важное место в сознании мигрантов.

Актуализация региональной идентичности в языке мигрантов связана с сетевой структурой мигрантских общин, которые организуются на основе соседских и родственных, в основном локальных связей. В Казани такое деление на региональные общины даже приобрело полуформальный характер усилиями местной «культурной автономии»: в общинах узбеков-торговцев из Кыргызстана, Бухары, Хорезма, Ферганы, Андижана были выбраны/назначены свои старосты, которые были посредниками в общении с руководителями «автономии» (Якутхон, Казань). Правда, при этом руководители «автономии» скрывают этот факт в публичном дискурсе: *«У нас нет “андижанцы”, “бухарцы”, “ташкентские” и т.д. У нас все – узбеки. Мы не делим по регионам, никакой регион не выделяем, чтобы было равноправие»* (Абдуманноб, Казань).

Деление на региональные общины редко сопровождается каким-нибудь объяснением причин такого разделения. На особенности своего языка и обычаев указывали лишь узбеки из Хорезма (Исмаил, Казань; Умида, Петербург), а также узбек из Сурхандарьи (Одилжон, Сайрам), но, по

⁷ И это тоже в принципе общая тенденция: о такой же реакции земляков нам рассказывали информанты в проекте ЦНСИ «Формирование этнических общин в Санкт-Петербурге и Берлине» (прежде всего армяне) (1995-1996). См. Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. / Под ред. В.Воронкова и И.Освальд. СПб: Изд. Дмитрий Буланин, 1998.

рассказам информантов, значимы они скорее внутри Узбекистана. Подчеркивают свою обособленность выходцы из Самарканда, выделяются узбеки из Каракалпакии.

В целом противопоставление «мы/они» по региональному принципу не является конфликтным. Многие мигранты отмечают, что и внутри региональных сообществ существует конкуренция, каждый сам за себя и не спешит на помощь, если не имеет от этого какой-то выгоды (Адиба, Самарканд; Хабиба, Самарканд).

Религиозность

Вопрос о религиозности редко возникал в беседах с мигрантами спонтанно. Как правило, о вере, правилах, которые должен исполнять мусульманин, речь заходила только после соответствующего вопроса, заданного интервьюером. В таких случаях информанты независимо от возраста и пола старались высказать свою лояльность религии и нисколько не сомневались в своей мусульманской идентичности. Различие было лишь в степени и форме такой лояльности. Одним было важно подчеркнуть, что они не едят свинину, держат пост и иногда молятся, для других было достаточно назвать себя мусульманином, не беря на себя при этом никаких обязательств. Некоторые информанты, особенно молодежь, даже подчеркивали, что они нарушают религиозные правила (прежде всего пьют алкогольные напитки) и что они «современные» (Улугбек, Казань; Алишер, Самарканд). Собранные интервью ничего не говорят о снижении или увеличении религиозных настроений среди мигрантов. Большинство информантов признавались, что в условиях мигрантской жизни трудно выполнять религиозные требования, для этого нет ни времени, ни сил, и даже те, кто выполнял их у себя дома, перестали выполнять (Диля, Самарканд).

В большинстве своем информанты никак не высказали интереса к религиозной жизни мусульман в России и в Казахстане. Такой интерес проявил лишь один мигрант в Татарстане, у которого отец был имамом и который, по-видимому, принадлежал к религиозному сословию, поскольку ссылался на религиозные традиции своей семьи – он посетил местную мечеть и общался с татарским имамом (Ибрахим, Казань). Еще один информант высказал желание смотреть канал «Аль-Джазира» (Шариф, Петербург), но получить объяснение по этому поводу не удалось.

Вопрос о религиозности встает более актуально для тех, кто проживает в России долго и даже намерен принять российское гражданство. Две женщины-информантки, живущие в Казани, приветствуют посещение своих детей мусульманских школ и даже настаивают на этом посещении, требуют от детей ношения «мусульманской» одежды, объясняя это необходимостью сохранить приверженность к исламу в условиях сильного «европейского» влияния (Хидоят,

Казань; Якутхон, Казань). Одна из них на вопрос: «Кем вы себя чувствуете прежде всего – узбечкой или мусульманкой?», ответила «мусульманкой» (Якутхон, Казань). Религиозная идентичность оказалась в этом случае сильнее и удобнее для адаптации, нежели национальная. Трудно на имеющемся материале сказать, будет ли процесс усиления религиозной идентичности за счет национальной иметь у мигрантов из Центральной Азии массовый характер, но это, безусловно, одна из возможных тенденций в будущем.

Заметим также, что та же информантка из Казани отметила, что хочет отдать свою дочь замуж за татарина, потому что они “более образованные”, “нормальные”, помогают жене, а у узбеков жена – это рабыня (Якутхон, Казань).

Язык

По уровню знания русского языка опрошенных мигрантов условно можно поделить на четыре группы: 1) тех, кто пользуется русским языком как основным, 2) тех, кто хорошо знает русский язык, 3) тех, кто что-то понимает и может сказать, 4) тех, кто совсем почти не знает русского языка. Это деление связано достаточно четко с возрастными, гендерными и социальными характеристиками. Люди старшего поколения (особенно от 30-35 до 55 лет), мужчины, горожане, люди с высшим образованием знают русский язык лучше; молодежь до 30-35 лет, женщины, сельские жители и люди со средним или неполным средним образованием – хуже. При этом с течением времени доля первой и второй групп в Узбекистане сокращаются, третья и особенно четвертая относительно и абсолютно увеличиваются.

Знание русского языка является одним из ключевых ресурсов в миграции как в Россию (включая Татарстан), так и в Казахстан (Назир, Самарканд). Прежде всего это социальный, а не культурный ресурс. Знание «бывшего всесоюзного языка» (Кудрат, Самарканд) помогает мигранту выстраивать более гибкую стратегию поиска работы и внедрения в «принимающее общество». Те, кто обладает хотя бы какими-то навыками русского языка, получает преимущество при приеме на работу, при поиске жилья, при продвижении по мигрантской иерархии от простого рабочего к бригадиру, при устройстве на более «легкие» виды работы, при получении более высокого заработка, к нему больше доверия у окружающего населения и т.д. (Адиба, Самарканд; Кудрат, Самарканд; 25 лет, Андижан). Русский язык – это способ избежать помощи посредников, т.е. избежать зависимости от них и своеобразного налога, который приходится ему платить (Хабиба, Самарканд). Незнание русского языка создает для мигранта дополнительные сложности, изолирует его, делает менее самостоятельным и зависимым от посредников и милиции (Ахмед, Петербург; Феруз, Самарканд): *«виноватым выходит тот человек, который не знает языка»*

(Ахмед, Петербург), *«Как я вот русский язык не знаю, они вот тоже мучаются»* (Ильхам, Казань).

Те, кто не знает русский язык, выбирает разные стратегии поведения. Для одних мигрантов это является одной из причин, почему они предпочитают ехать в Казахстан и в Татарстан, где язык части местного населения более доступен для понимания. Кто-то пытается освоить русский язык (Назир, Самарканд; № 4, Алматы, занимается торговлей). Большинство мигрантов, не знающих русского языка, вынуждены делегировать свои интересы и часть своих доходов посреднику-переводчику.

Те, кто знает русский язык, стараются, напротив, самостоятельно искать себе работу (в том числе и по своей специальности), жилье, более свободно передвигаются, склонны дольше жить в России и Казахстане и даже получать здесь гражданство. Многие из них осваивают роль посредников и бригадиров в мигрантских общинах. К этому можно добавить, что русскоязычные узбеки, те для кого русский язык был основным и помогал им делать карьеру, у себя на родине в последние годы оказались в ущербном, а иногда в дискриминируемом положении (Равшан, Самарканд).

«культурность»

Помимо национальности, региональности и религиозности важное место в структуре самосознания мигрантов принадлежит особому виду идентичности, которую мы условно назвали «культурность». В эту идентичность входит представление о «современности», «цивилизованности», «культурности», «европейскости» в отличие от «отсталости», «деревенскости», иногда «мусульманскости» (Шохида, Андижан; Ахмед, Петербург). Мы выделили этот аспект идентичности, потому что он не сводится к национальным или религиозным сюжетам, но при этом формирует представления мигрантов о своем месте в мире, позволяет им сравнивать себя с остальными странами и народами.

Культурная идентичность описывает сложный комплекс привычек, внешнего вида, поведения, который многими мигрантами рассматривается как нечто, что не является своим, но что в то же время можно усвоить и перенять, сделать своим или отказаться усваивать: *«Глядя на Европу, мы тоже стараемся, чтобы жить как они, чтобы зарплату получать как они. В Узбекистане на эти вещи смотрят по-восточному. А между Востоком и Европой есть разница. Поэтому мы стараемся подражать Европе или другим странам»* (Али, Казань). При этом «европейскость» определенно ассоциируется с русскостью: говорить по-русски, одеваться по-русски, вести себя по-русски – значит быть похожим на европейцев (Руслан, Казань; № 1, Алматы). Национальные

различия смешиваются с различиями в уровне «культурности»: *«Русские отличаются от узбеков по поведению, по манере одеваться. Они опрятней одеваются, чем узбеки, культурней. А узбеки ходят в одной и той же одежде и дома и за скотиной присматривают и никак не хотят одеваться чисто, опрятно»* (Камол, Казань).

Отсутствие «культурности» («русскости» или «европейскости») становится для многих мигрантов причиной, наряду с незнанием русского языка, неудач в поиске работы: *«Меня вообще этот азербайджанец брать не хотел: по-русски не разговариваю, вид кишлачный. Потом подруга меня одела и уговорила. <...> На подругу смотрят: вроде она русская, хотя узбечка, но выглядит так, по-европейски, и еще потому что она говорит чисто по-русски. <...> Она на русскую похожа»* (Шохида, Андижан); *«Комуна чаще не подходила [для приема на работу], потому что у нее плохой русский, и вид у нее более похож на узбечку, прямо скажем, не европейский»* (Райхон, Андижан). Выход из этого – переодевание, преобразование, принятие новых манер и нового вида: *«Потом я вот такая стала. Себе много грех сделала, сейчас себя ругаю иногда. Я даже вот короткий не одевала, я вот сюда приехала такая стала. <...> я в платках, с длинными рукавами платье. Да, сестра говорит, давай, теперь поменяй, волосы пострижем»* (Хидоят, Казань); *«Я сразу одела, брюки сразу одела. Сначала я здесь чуть-чуть современной была, вот сразу брюки одевала я, потом сделал прическу»* (Якутхон, Казань).

Ситуация миграции для многих выходцев из Узбекистана становится поводом поразмышлять над увиденным, сравнить свою личную жизнь и жизнь своего общества с другими примерами. Интерес представляет, как в России отдыхают, как проводят время, как тратят деньги, как едят и как одеваются. Образованная информантка говорит: *«Деревенские, но они же все равно, там культура у них другая, туда-сюда, и как приедут, они здесь, ну, увидят здесь какая культура и сравнивают, это наоборот к лучшему, я думаю, да, что так получилось. Они поедут домой, но хоть что-то берет себе, какой-то хорошее, мне кажется, я так думаю»* (Умида, Петербург). В этом высказывании мы видим также, что для русскоязычных и вообще ориентированных на освоение «европейской культуры» узбеков отсылка к «культуре» является аргументом в пользу своего особого, привилегированного статуса по сравнению с «деревенскими» жителями.

4. Изменение повседневных практик и социальных норм у иммигрантов и влияние этих изменений на трансформацию общества на родине.

В большинстве интервью мы видим довольно типичный набор ответов на вопросы, связанные с жизненными перспективами мигрантов. Все информанты так или иначе выражают лояльность «родине» (даже татарин Руслан, Казань), ссылаясь на более удобный климат, привычную пищу, могилы предков, родственников и т.д., стремятся продемонстрировать стремление вернуться и жить «дома», восстановить свой прежний социальный статус («найти работу», старикам не положено ездить – это должны делать молодые) и вообще восстановить статус-кво («традицию», «прежний порядок жизни»), выражают надежду, что всё в Узбекистане когда-нибудь изменится к лучшему и можно будет отказаться от поездок на заработки, от «отходничества», которое является лишь временным и вынужденным состоянием.

Однако эта доминирующая риторика имеет ряд нюансов, которые мы находим при внимательном прочтении текстов интервью. Мы видим в разной степени осознанную готовность к изменениям своих жизненных планов и жизненных ориентаций.

Опять в миграцию

Многие информанты на вопрос, собираются ли они еще поехать работать и жить в России или Казахстане, отвечали уклончиво, некоторые даже не хотели бы больше ехать (Музаффар, Сайрам). В культуре и социальной практике жителей Узбекистана не принято планировать будущее надолго. Решения часто принимаются спонтанно и быстро, как *«в голову взбредет»* (Ахмед, Петербург): *«Сидели разговаривали, гневили бога, жалуясь на свою судьбу. Вдруг она [подруга] говорит, а давай поедем, ничего с нами плохого не будет, нам детей кормить надо, бог нам поможет. Поговорили, а потом вдруг резко собрались и поехали»* (Шохида, Андижан).

Большинство информантов готовы продолжить свои мигрантскую деятельность, объясняя эту готовность отсутствием работы и заработков на родине: *«Не ехать у меня возможности нет, хоть вешайся»* (56 лет, Андижан); *«Сейчас словно все помешались – думают, куда бы поехать и заработать»*, – говорит информантка и резюмирует, что все уезжают и ей надо ехать (Шохида, Андижан). Даже какие-то неудачи в прежние поездки их не останавливают. Две причины, которые могут послужить причиной для прекращения миграций, по мнению информантов, это хорошая работа на родине и пожилой возраст (после 50-55 лет уже тяжело) (Шариф, Петербург; № 5, Алматы).

Мы хотели бы обратить внимание, однако, что экономическая мотивация для выезда хотя и является главной в ответах респондентов, но далеко не единственной. Некоторые информанты говорили о необходимости «расширять кругозор», «посмотреть мир», увидеть разных людей (Ибрахим, Казань; Адиба, Самарканд). Кто-то говорил, что на родине «жара и скука» (Алишер, Самарканд). Кто-то приехал в Россию *«отдохнуть от Узбекистана»* (Рахмад, Петербург). *«Просто человека всегда тянет вдаль уехать, интересно, что там в России творится. Все надоедает, и семья и друзья. Не хочется уже там быть. Слышишь, что твой друг куда-то уехал, другой куда-то уехал. И я решил тоже уехать»* (Зафар, Петербург); *«Если получится с работой, то останусь, если нет – то посмотрю мир, отдохну»* (25 лет, Андижан; 29 лет, Андижан); *«Если я не выезжаю туда, то мне начинает что-то не хватать, всегда туда тянет. Это как болезнь»* (34 года, Андижан).

Менять планы

Большинство информантов рассматривают свою мигрантскую деятельность как способ заработать деньги. При этом опять же в большинстве случаев деньги нужны не столько на повседневную жизнь – пищу, одежду, сколько на важные социальные события – женитьба сына или выдача дочери замуж, постройка или ремонт дома, покупка престижной машины. Все эти мероприятия очень важны для повышения социального статуса человека и семьи и для получения в будущем дивидендов, в том числе и материальных. Меньшая часть информантов рассчитывает с помощью полученных денег устроить детей в вузы для получения образования или на какую-то работу (Шариф, Петербург; Одилжон, Сайрам; Иброхим, Сайрам), или вложить средства непосредственно в какое-либо экономическое мероприятие с расчётом получить от него доход: кто-то хочет приобрести землю (Шариф, Петербург), кто-то – машину для работы, кто-то – открыть дело или вложить деньги в мелкую торговлю (Адиба, Самарканд; Шохида, Андижан; 34 года, Андижан).

Создается парадоксальная ситуация: зависимость социальных изменений от средств, заработанных в миграции, не снимается, а усиливается – люди, поднявшись на определенный социальный уровень, вынуждены опять возвращаться в миграцию, чтобы поддерживать этот уровень. Второе следствие: материальный и социальный успех семьи теперь зависит от количества членов семьи, уезжающих в миграцию. Зависимость от миграции становится таким образом тотальной и структурообразующей для узбекского общества, лавинообразно втягивая в миграцию все население.

Менять профессию

Миграция, как правило, связана не только со сменой страны пребывания, но и с изменением места и сферы работы. Более того, будучи уже в России или в Казахстане, очень многие мигранты несколько меняли сферу своей деятельности, переходя с одной работы на другую, – могли быть строителями, отделочниками, водителями, поварами, грузчиками, садовниками, продавцами и т.д. Они быстро осваивали новые навыки, приспосабливались к новым условиям и легко, если были новые предложения, меняли свое уже имеющееся место работы на следующее.

Смена профессии и, соответственно, социального престижа является одной из наиболее стрессовых ситуаций для мигрантов старшего возраста с высшим образованием. Кто-то пытается смириться с этой ситуацией – любая работа не зазорна, это же не воровство и обман (Адиба, Самарканд; Назир, Самарканд). Из интервью: *«Вот, мне было очень обидно, очень обидно было, что я приехала же сюда, не думала, что буду так работать. Ну я не боюсь работы, ну, наши родители нас учили, что надо работать, вся работа – это... ты зарабатываешь, не воруеть, этого не надо стыдиться и вот... нас так учили. И поэтому... Но все равно, да, обидно, с высшим образованием там работала в каком-то месте и придти здесь посуду мыть, полы мыть и это, очень обидно было. Ну ничего»* (Умида, Петербург); *«Я даже не могу отцу сказать, кем там его сын работает, что я делала, мне стыдно, не для этого он нам давал образование, воспитывал не так. Но он других людей узнал, и знаете, я удивилась, он мне сказал, что нет позорного труда, есть позор на тех людях, которые заставляют людей унижаться (расплакалась). Я никогда в своей жизни не думала, что доживу до таких дней, что меня так унижать будут и я буду молчать, потому что мне нужны деньги, чтобы сына вырастить. <...> Но у меня есть деньги, чтобы прокормить сына, и никто не знает, что мне пришлось, переборов себя, зарабатывать их в Москве (опять расплакалась)»* (Шохида, Андижан).

Для одних информантов хорошее образование является полезным ресурсом и в миграции: *«с образованными они (милиция) разговаривают, им интересно»*, умение разобраться в цифрах, сориентироваться в незнакомой обстановке, быстро чему-то научиться – все это ценится (Адиба, Самарканд). Кто-то же, напротив, считает, что от образования толку нет: если что-то скажешь умное, то тебя заметят и еще больше будут измываться, поэтому лучше не высовываться (Ахмед, Петербург); работа зависит не от образования, а от активности (Алишер, Самарканд).

Менять семью

Новая ситуация ставит перед мигрантами сложный вопрос о сохранении связей с родственниками, с семьей. Разные люди выбирают разные стратегии поведения. Большинство старается периодически возвращаться домой и поддерживать тесные коммуникационные отношения (через телефон, смс). Уже немалое число мигрантов старается взять жену и иногда детей с собой, хотя бы на время (Исмаил, Казань; Улугбек, Петербург; № 6, Алматы; или мужа – Диля, Самарканд), это представляется более удобным и даже выгодным – вместе легче снимать жилье, вместе можно больше зарабатывать (Адиба, Самарканд). Один молодой человек жил в гражданском браке с девушкой (не узбечкой) из Узбекистана (Зафар, Петербург). Еще один информант, работающий в Алмате, имеет одну жену с детьми на родине и вторую жену из Узбекистана привез жить в Казахстане (№ 1, Алматы).

Из других источников известно, что мигранты нередко используют знакомства с местными женщинами как способ зарегистрироваться, найти жилье, а иногда создать новую семью (формально или неформально) и остаться жить в России. Информанты нашего проекта неохотно высказывались на эту тему. Один из них признался, что познакомился с одной русской женщиной и вроде бы хотел с ней остаться жить, но та не согласилась из-за языковых сложностей (Ильхам, Казань). Многие неженатые молодые люди охотно выражали желание жениться на русской девушке (Алишер, Самарканд), некоторые встречаются с местными женщинами (Зафар, Петербург).

Отдельной темой стоит вопрос о женитьбе и замужестве молодых людей, которые долго живут в России и Казахстане. Особенно остро эта проблема стоит для девушек, круг брачных партнеров которых, согласно культурным нормам узбеков, довольно сильно ограничен разного рода запретами и предпочтениями. Информанты рассказали случай, когда в Казани отец выдал свою дочь за татарина (он, правда, когда-то жил в Ташкенте), что вызвало протесты со стороны матери, и конфликт разрешился благодаря вмешательству руководителя узбекской общины в Казани (Хидоятхон, Казань). Мнения информантов разделились: кто-то готов выдать замуж свою дочь за представителя местной национальности, главное чтобы он был мусульманином (Хидоятхон, Казань), кто-то хотел бы видеть зятем только узбека и ищет знакомства либо среди мигрантов, либо на родине (№ 5, Алматы; Едгор, Петербург).

Из интервью виден интересный факт: многие женщины, отправляющиеся в миграцию, – это те, кто имеет какие-то семейные проблемы и неурядицы. Среди информанток, решившихся уехать в Россию, значительное число составляют разведенные (Хидоят, Казань; Якутхон, Казань; Насиба,

Петербург; Умида, Петербург); кто-то потерял кормильца (муж уехал на заработки и пропал - Шохида, 43 года, Андижан); кого-то не устраивает положение «второй» жены - ни в материальном, ни в социальном плане (Мавлюда, 50 лет, Андижан); кто-то на момент отъезда был в конфликте с мужем (Гуля, Самарканд; Диля, Самарканд). Поездка не является способом решить ту или иную семейную проблему (лишь одна из разведенных женщин высказала намерение выйти замуж за российского узбека, но при этом она работает в России уже 15 лет и недавно подала документы на получение российского гражданства (Якутхон, Казань)), но позволяет в определенных случаях преодолеть свой маргинальный статус и почти всегда – недостаток ресурсов.

Менять традиции

На формальные вопросы о традициях и обычаях мигранты, как правило, отвечали столь же формально, указывая на отличия своего общества и на свою привычку к этим отличиям. Однако ситуация миграции поставила для многих вопрос о ценности этих традиций и об их изменениях. Некоторые информанты в своих ответах критически оценили отдельные практики своих «родных» сообществ.

Некоторые молодые люди демонстративно подчеркивали свою самостоятельность и свою «свободу» от родителей и общества: *«Да, это как я хочу, так и буду делать. Вот сюда приеду, допустим, уже с отцом не буду общаться, чтобы ехать, просто: “Отец, я билет купил, все, я поехал”.... Если хочет меня заставить, я уже взрослый человек»* (Улугбек, Казань); *«У меня вот с детства такая фигня, никто мне запрещать не может. <...> Я после Питера приехал, почувствовал себя свободным человеком»* (Зафар, Петербург). Миграция дала им возможность проявить себя и заявить о своей взрослости. Женщина, занимающаяся проституцией, в ответ на осуждение общества предъявляет этому обществу счет и отказывается следовать за общественным мнением: *«...они же не видели, что они думают, мне по фигу, что они моего ребенка или меня кормят? <...> ...там сказали некоторые люди, а там в Эмираты девчонки едут вот таким занимаются. Я пошла и нагло сказала: когда я голодала, ты мне кусок хлеба ты мне дал? Ты ничего не дал, я не ворую, как я буду дышать, так дышу, не суй свой нос к моей жизни, я сказала»* (№ 8, Алматы). Такого рода заявления больше, конечно, рассчитаны на внешний эффект перед интервьюером, но тем не менее показывают широкий спектр риторических приемов, с помощью которых мигранты готовы оценивать свое положение.

Стремление к миграции во многом вызвано необходимостью исполнять «свадьбы» (ритуалы, связанные с рождением детей, обрезанием мальчиков, заключением браков и т.д. и требующие

приглашения многочисленных гостей). Поездки на заработки, таким образом, материально обеспечивая выполнение этих ритуалов, по своему укрепляют традицию. Однако миграционный опыт некоторых людей заставляет задуматься о целесообразности следовать этому обычаю: *«Русские миллионеры делают с 10 человеками свадьбу... Зато они ездят за границу, зато у них есть машины. Квартиры есть. Я оттуда приехала и мне разговоры людей все равно. Чихать я хотела на разговоры людей. А вот приезжают с Кореи, Америки, все больные, но делают такие свадьбы на 25 тыс.долларов. Я что, дура, что ли? На следующий день заболевают, и всех заработанных денег не хватит на лечение. Зачем это надо? Я зареклась, что я сделаю свадьбу с 200-300 близкими родственниками, знакомыми, лишних расходов не надо... Но я, например, не буду слушать разговоры людей, как сама знаю, так и буду делать, смотря на свои возможности, деньги, здоровье. Мой сын там так мучается, работает, болеет. Я почему теперь должна на 1000 человек бросить деньги на ветер. Лучшие пусть для дома делает, пусть секцию покупает, пусть вещи покупает, например»* (Адиба, Самарканд). Скорее всего, это тоже больше риторика, нежели готовность к действию, но для нас существенным является тот факт, что в этой риторике появляются отсылки к мигрантскому опыту и мигрантской травме, которые становятся фактором внутренней дискуссии в узбекском обществе.

С другой стороны, в России мигранты попадают в сферу влияния культурных автономий, которые начинают воспроизводить обычаи и привычки на новом месте. В Казани с помощью культурной автономии пытаются воспроизвести традиционные праздники – навруз и сумалаяк (Хидоят, Казань). В интервью «идеологов» этой автономии постоянно звучит апелляция к истории, «традиции», коллективизму, «узбекам» (Абдуманноб, Турсун, Казань).

Остаться или вернуться

Большинство информантов не выражали однозначного желания остаться в стране, куда они приехали работать. Они твердо говорили о своем желании вернуться и жить на родине.

Тем не менее несколько человек, особенно из молодежи, не исключили для себя возможности жить в России и в Казахстане, получить здесь гражданство. Некоторые информанты, кто знает русский язык и имеет большой опыт проживания в России, говорили о том, что всерьез об этом думают (Исмаил, Казань). Правда, и в этом случае информанты надеялись через 20-30 лет вернуться умирать на «родину» (Улугбек, Петербург; № 5, Алматы; № 7, Алматы).

Желание остаться в стране, куда они приехали работать, может объясняться мигрантами по-разному. Кому-то тяжело жить в Узбекистане, где ничего не меняется (Ахмед, Петербург;

Улугбек, Петербург). Для кого-то жизнь в другой стране стала привычной: *«Приехал (домой), они уже спрашивают, а когда обратно? Уже спрашивают, когда уезжаешь?»* (Ахмед, Петербург); *«Не знаю, что-то не тянет (в Узбекистан)»* (Якутхон, Казань). У кого-то успешно развивается в России бизнес (Хабиба, Самарканд), хочется дать ребенку российское высшее образование (Хабиба, Самарканд; Хидоят, Казань), жизнь на новом месте кажется лучше и самостоятельнее: *«Можно жить на квартире, работать и достаточно. Например, если бы я жил один, и не присылал бы сюда (в Узбекистан), мне бы хватало запросто на все: и одежду, и питание, и жилье. То, что я зарабатываю. Там есть такие ребята, которые не посылают, там работают. Они давно уже там, у них контроля нет, никто не направляет на путь, сами себе хозяева. А меня мама всегда ругала, когда день зарплаты, я сразу отдавал маме. Вот так»* (Алишер, Самарканд). Довольно часто звучит ссылка на благоприятный, прохладный климат (Али, Казань; Алишер, Самарканд).

Среди причин, которые заставляют людей вернуться, – родители, семья, дети, иногда – привычка к своим обычаям и – опять же – к климату (Анвар, Казань; Адиба, Самарканд).

4. Образ «принимающих обществ» (Россия, Казахстан) и обществ, откуда начинается миграция (Узбекистан), в мигрантской среде.

Люди готовы ехать за работой и заработками куда угодно – в Россию, Казахстан, Южную Корею, Турцию, Англию, Америку, Арабские эмираты. Выбор во многом определяется соотношением размеров заработка и затрат на дорогу, жизнь, легализацию, безопасность сохранения средств. Однако экономическая миграция – это не только рациональный расчет, но и психологический комфорт, совокупность представлений о мире и странах.

Советское время

Точкой отсчета для рассуждений информантов о том, что делается в России, Казахстане и Узбекистане, является во многом их отношение к советскому времени и советское общество, с которым они себя отождествляют. У тех, кто застал это время, воспоминания об этом обычно положительные. Все информанты старше 30 лет говорят, что в их семьях всего хватало, даже если это были простые сельские жители без образования и престижной работы: *«В Советском Союзе все у нас было хорошо, да»* (Шариф, 39 лет, Петербург); *«раньше Узбекистан хороший был»* (Якутхон, 42 года, Казань), национализма не было, была любовь к ближнему, к тем, кто приезжал из Узбекистана в другие республики, относились хорошо (Адиба, 47 лет, Самарканд). Постсоветское же время – это начало «бардака» (Ахмед, 37 лет, Петербург), «беспредела»

(Улугбек, 31 год, Петербург), т.е. беспорядка. Лишь один информант, говоря о «советском человеке», рассуждал о его недостатках (Равшан, Самарканд).

Образ России

Россия остается главной целью мигрантов, в которую налажена дорога, в которой относительно легко найти работу и в которой достаточно высокие заработки. Соотношение всех этих плюсов делает Россию привлекательной для мигрантов из Узбекистана, несмотря на все сложности с границами, властью и населением.

Для понимания выбора и мотиваций мигрантов важное значение имеет образ современной России и русского населения в их глазах. Этот образ носит двойственный характер.

С одной стороны, многие информанты отмечают антимигрантские, неприязненные настроения, вымогательство со стороны милиции, нечестность хозяев/работодателей (в некоторых случаях это рассказы с чужих слов, в некоторых – собственный опыт). Многие говорят о том, что русские пьют, дерутся, много говорят, друг другу не помогают, не хотят работать на тяжелой работе, предпочитая, чтобы на ней работали приезжие «рабы», «черные» (Алишер, Самарканд; Райхон, Андижан). Из интервью: *«...там везде алкаши, все спиваются, девочки 6-7 класс идут по улице, пиво пьют, это они в школу идут. От русской нации мало что осталось, спились уже. Россия сама за счет приезжих выживает. <...> Россияне на такую работу не пойдут, для этого есть такая раб сила как мы. Просто там для нас это хорошие деньги, а для них это пишик. <...> Русаки грязную работу скидывают нам как прокаженным, думают пусть рабы трудятся, смотрят на нас, как на обезьян. И теперь еще с этих обезьян хотят деньги поиметь»* (Шохида, Андижан); *«Узбек это значит черный и их не любят»* (Адиба, Самарканд); *«Здесь одни эгоисты или кто, на шее сидят они. Вот так, это мое мнение, первое впечатление такое, например, в автобус заходишь, там старуха стоит, а молодежь наушники засунула и сидит музыку слушает, а в Узбекистане такого нет»* (Руслан, татарин из Маргилана, Ферганская область; Казань).

С другой стороны, многие информанты рассказывают случаи, когда местные жители помогали и поддерживали их. В интервью можно встретить позитивные характеристики России: *«жизнь (здесь) хорошая, очень хорошая <...> я мечтаю, желаю такую жизнь. Я хочу такую жизнь»* (Кудрат, Самарканд); *«В России проблем нету. <...> Там работы много»* (№ 3, Алматы); *«Здесь нормально жить стало, жить можно, туда приедешь - опять какие-то проблемы. Россия – это же была империя, может много народу кормить. Мне именно Ленинград понравился, здесь люди добрые, здесь нет никакой проблемы, работа есть, самое главное»* (Улугбек, Петербург); *«Даже*

в России, даже в России, я перестала с нашими общаться, потому что наш народ, я так поняла, когда им нужно чего-то, они обращаются: “ой, помоги”, это все вот, тогда руку протягиваете, да, и я так считаю, что лучше с русскими, чем с нашими» (Диля, Самарканд); «Но вот русские хорошие. Они очень нас жалели. Они узбекский народ жалели» (Кудрат, Самарканд).

У значительной части информантов есть осознание этой двойственности – везде есть хорошие люди и плохие (Адиба, Самарканд), *«все мы люди, все человеки»* (Умида, Петербург). Никто не смог привести из своей жизни пример какого-то конфликта с местным населением. Был один случай, когда кто-то мигрантов приставал к местной девушке, что вызвало разбирательство, и были небольшие стычки на работе с охранниками (Ахмед, Петербург). Гораздо больше проблем испытывает девочка, которая с мамой-русской переехала в Россию и у которой папа узбек остался в Узбекистане: она *«вот такого восточного типа. И обзывали и дразнили. И один раз даже нос сломали, <...> подошли и стукнули, толкнули и рассказывали, что вот, твой папа узбек, работает на стройке, хотя у нас папа, извините, на стройке никогда не работал»*, при этом дочь все равно не хочет возвращаться в Узбекистан (Ирина, Петербург).

Образ Татарстана

Информанты получают опыт миграции в разных регионах России и начинают различать внутри российского общества различные пространства, которые могут быть более или менее благоприятны и привычны для них.

Одним из таких отличительных регионов является Татарстан. Информанты отмечали, что в Татарстане им легче, потому что местные жители мусульмане и их язык похож на узбекский (Исмаил, Казань), что, как подразумевается, объясняет, почему здесь не обманывают мигрантов (Камол, Казань).

Однако выбор Татарстана для трудовой деятельности вовсе не диктуется близостью языка, миграция в Татарстан также не имела религиозной мотивации и никак не сказывалась на проявлении религиозности. В большинстве случаев приезд сюда был результатом того, что родственники или знакомые уже здесь были (Ильхам, Казань; Камол, Казань; Улугбек, Казань; Анвар, Казань; Якутхон, Казань). У кого-то здесь были друзья с советского времени (Али, Казань). Даже один мигрант-татарин из Маргилана, у которого есть в регионе родственники жены, приехал в Татарстан случайно (что называется «по набору», с бригадой - Руслан, Казань). Лишь один информант, который в интервью подчеркивал свою религиозность, объяснял приезд в Татарстан мотивом религиозной близости с татарами, но и он вынужден был заметить, что местные

традиции отличаются от узбекских – местные молодые люди не здороваются на улице со старшими и ворота в домах у всех здесь закрыты (Иброхим, Казань).

В представлениях многих мигрантов из Узбекистана татары и Татарстан – это почти «европейцы», у них не «азиатские» черты: *«Вот, это может взгляд со стороны идет, но здесь очень ленивый народ живет. В Азии же как, там каждую копейку стараются заработать. А здесь люди немножко ленивые, может им просто легче жить, но это мой взгляд»* (Исмаил, Казань). Заместитель узбекской общины в Казани подвел под эту точку зрения теоретическую базу: *«Просто Казань же, все понятно, стык мира мусульманского и христианского, как бы здесь условная граница проходила между мусульманскими и христианскими людьми»* (Турсун, Казань).

Образ Казахстана

В последние годы Казахстан стал после России вторым центром по приему мигрантов из Узбекистана. Мигранты предпочитают ехать в Казахстан по самым разным причинам – потому что там уже были родственники и дорога ближе (Назир, Самарканд; Бахтияр, Сайрам; № 1, Сайрам; Нигмат, Сайрам; Шерзод, Сайрам; № 1, Алматы; № 2, Алматы; № 4, Алматы; 31 год, Андижан; Улугбек, Андижан; 47 лет, Андижан), компания пригласила (Равшан, Самарканд), несколько случаев – бежали от уголовного наказания к родственникам (№ 2, Сайрам; № 10, Алматы). Лишь одна информантка уехала в Казахстан, где она родилась и где жили ее родственники, то ли из-за денег, то ли из-за конфликта с мужем (Гуля, Самарканд).

Образ Казахстана и казахов в глазах информантов меньше окрашен эмоционально и нагружен исторически, чем Россия и русские, и своими характеристиками напоминает образ Татарстана и татар.

Вроде бы казахи ближе по культуре, языку и религии к узбекам и могли бы относиться к последним намного лучше, но большинство информантов, побывавших в Казахстане, констатируют, иногда с сожалением в голосе, что казахский образ жизни сильно отличается от узбекского и похож скорее на русский/ «европейский».

Отличие от узбеков и сходство с русскими иногда оценивается как недостаток: *«они (казахи) почти как русские»*, курят и пьют вместе с женщинами, одеваются как русские, не любят работать (Назир, Самарканд); *«У них не так как у нас. У нас лучше. У них не так сильно держат мусульманство, как у нас. Они немного отсталые в этом плане, чем мы. Не так сильно поддерживают религиозные правила: например, «исрофгарчилик»* (разбазаривать и не экономить,

допускать избыток во всех планах). *Этого у них предостаточно. У нас с этим строже. Или же например: они не делают “дуо” после приема пищи, или при встрече, как это делают у нас. Это очень странно и необычно. Я не знаю, как со старшим поколением, но молодежь многих обрядов не выполняет. У нас даже маленький ребенок знает, что со старшими надо здороваться, там этого нет. В общем, у нас более точнее придерживаются религии. Это хорошо»* (47 лет, Андижан).

С другой стороны, в Казахстане *«жизнь другая», «там более свободнее, на предприятиях все по-другому, свобода»* (Назир, Самарканд). Одна информантка, которая родилась в Казахстане и живет в Самарканде, признается: *«мне вообще нравится с русскими (!!)* и в Алма-Ате мне всегда хорошо, потому что там более свободно. Мне не нравится здесь (в Узбекистане), что надо делать все по «коида»... Где написано, что так именно надо делать? Что, законы, что ли, есть? Мне это всегда не нравилось. А там этого нет, то есть как бы сказать обязательств нет. Это, конечно, не значит, что можно делать все что хочешь, но как-то свободно. И сама себе хозяйка» (Гуля, Самарканд). Правда, она же говорит, что *«вообще это хорошо здесь (в Узбекистане), что строго»*. Кто-то отмечает более удобные экономические условия в Казахстане – бедных нет, можно взять кредит (31 год, Андижан).

Мигранты сравнивают Казахстан не только с Узбекистаном, но и с Россией. Одни информанты считают, что казахстанские таможенники придирчивее и несправедливее российских: *«(в Казахстане) больше проверок было и люди из Узбекистана для них это не люди, а как будто животные, обращались как с животными, что хотели, то и делали», «Они (в России) документы смотрели, делали общую проверку, пропускали. Мы от них не так намучились, как в Казахстане»* (Анвар, Казань; Ибрахим, Казань; Исмаил, Казань). Но сравнивая казахских и узбекских пограничников, информанты отдают предпочтение казахам – они меньше придираются (Назир, Самарканд).

Кто-то указывает на травматический опыт пребывания в миграции в Казахстане: *«Очень сильно унижают и оскорбляют, не считают тебя человеком, знают, что тебе нужна работа и ты не ответишь и все вытерпишь ради нее. <...> Таких как я берут на низкооплачиваемую, черную работу. Которую не хотят делать казахи. Но для нас это большие деньги и мы готовы работать. <...> Если мне даже кто-то предложит уехать на заработки, то я поеду только в Россию, но не в Казахстан, туда я больше не поеду. Там с нами обращаются как с рабами, не по-человечески, как будто мы не люди, а скоты»* (56 лет, Андижан).

Образ Узбекистана

Из всех этих сравнений вырисовывается образ Узбекистана, родины мигрантов, которую они должны покидать в поисках работы и денег и куда они возвращаются или хотят мысленно вернуться.

Общим во всех интервью является недовольство экономическим состоянием дел в стране. Отсутствие работы, маленькие зарплаты, невозможность вести свой бизнес – все эти объяснения повторяются практически во всех интервью. Даже в случае, когда респонденты говорят, что в Узбекистане всё хорошо и становится лучше, они вынуждены признать, что работы нет и платят мало, считая это, правда, временным этапом, через которые прошли все страны бывшего СССР (Умида, Петербург). Хотя среди информаторов есть люди, которые ездили в Россию на заработки ещё в 90-е годы и даже в советское время, большинство отмечает, что ситуация в Узбекистане резко ухудшилась в начале 2000-х годов и это стало причиной их миграции.

Интервьюеры, для того чтобы получить согласие на интервью, часто подчёркивали, что политика в вопросах затрагиваться не будет. Информанты сами избегали обсуждать политические проблемы и давать оценки руководству и курсу страны, что говорит о страхе, который существует в узбекском обществе. Тем не менее, некоторые информанты дали резкие оценки политике Каримова – *«гниёт рыба... с головы»*, и высказали надежду, что положение в стране изменится с уходом Каримова (Шариф, Петербург; № 2, Алматы; № 3, Алматы). Положительных оценок Каримова не было вовсе.

Оценки ситуации в Узбекистане напрямую связаны с опытом миграции: *«Обидно, когда помотришь как люди в Москве живут»* (Шохида, Андижан); *«..Во всяком случае мы... во многом отстаем, эээ это можно признать, это факт и от этого никуда не уйти. Мы отстаем не только в минимальной заработной плате, мы отстаем, ну то есть в экономическом плане, мы отстаем также в социальном и психологическом и, может быть, даже и в духовном, где-то в каких-то местах»* (Равшан, Самарканд). Узбекистан ещё живёт в 19 веке, говорит один информант, в «полусонном», в «полудремучем» состоянии, всё происходит «медленно» и нужен «пинок» (но не революция) (Равшан, Самарканд; Мавлюда, Андижан). Он же сравнивает Узбекистан с Казахстаном: «у нас» много бедных и мало богатых, а в Казахстане сильный средний класс. Кто-то отмечает, что чем больше он живёт в России, тем более негативно относится к Узбекистану, где ничего не меняется (Ахмед, Петербург). Другой информант говорит: *«Если сравнить, разница между Узбекистаном и Россией довольно большая. Россия – это успешное государство, и то, что она испытала, достигла, добилась, мы тоже хотим этого добиться»*.

Строить такие же хорошие дома, иметь хорошие намерения по отношению к людям, выполнять эти намерения по возможности, находить работу и зарабатывать хорошие деньги, помогать родителям, братьям, сестрам хотим. Все связано так или иначе с деньгами. Здесь мы видим условия жизни людей, знакомимся с их образом жизни, мыслями, опытом жизни... <...> И вообще постараюсь поднять уровень своей семьи, по мере своих сил и возможностей. Большею частью я бы применил российский опыт» (Анвар, Казань).

Некоторые информанты связывают свои личные трудности за пределами Узбекистана с ситуацией в самом Узбекистане: *«Ведь раньше это была одна страна и Россия оказалась в наиболее выгодной ситуации, они же могут нам помочь, а получается, что еще и за право работать мы должны платить. Меньше всех в Москве платят узбекам, киргизам, потому что нам и это тоже деньги. Сейчас даже казахам и таджикам платят больше. А ведь было время, когда русские в Москве на них даже хуже, чем на нас, смотрели. Получается у кого хуже ситуация в стране, того надо еще хуже унижать» (Шохида, Андижан).* Для других всё дело ещё и в самом узбекском народе: *«А там (в России) всегда «пожалуйста» слышишь: сделайте пожалуйста, подайте пожалуйста, нет унижения и превосходства, ты просто делаешь свою работу за которую тебе платят, поэтому я там себя не чувствовала ущемленной, хотя и выполняла такую работу, на которую бы здесь не пошла. У нас очень грубый народ. Нас здесь (в Узбекистане) открыто за людей не считают, у нас очень грубо отвечают, даже если спрашиваешь – грубят» (Райхон, Андижан); «Узбеки даже сами своих же... и... со стороны кажется, что дружные, да? Но нет. И когда внутри их живешь, знаешь... они не дружные» (Насиба, Петербург).*

Заключение

Данный отчет представляет анализ прежде всего тех тем, которые были поставлены в нашем проекте как основные исследовательские задачи. Между тем собранный исследователями материал часто выходит за рамки тематических задач, что видно и из региональных отчетов, во-первых, и ставит новые исследовательские вопросы, во-вторых.

Исследовательские материалы позволили нам рассмотреть принципы формирования и функционирования мигрантских сетей, однако роль организаций мигрантов, в том числе национально-культурных автономий требует дальнейшего изучения. Какова их действительная роль в интеграции мигрантов в местное сообщество? Являются ли они одним из институтов гражданского общества или, как и узкие мигрантские сети, прежде всего воспроизводят практики,

привычные для сообщества на родине? Мы склонны согласиться с последним, однако нельзя делать выводы только на основании нескольких интервью в одном из кейсов⁸.

С этим блоком связан вопрос о проблеме интеграции мигрантов. Рассматривая мигрантские сети, мы видели, каким образом происходит (или не происходит) интеграция мигрантов. Но возникает вопрос: почему вопрос об их интеграции не поднимается в российском дискурсе? И СМИ, и чиновники, и правозащитники говорят о мигрантах прежде всего в правовом контексте, между тем как решение проблемы их интеграции должно быть, как нам представляется, одной из приоритетных задач для принимающих государств.

Безусловно, проанализировать (с привлечением соответствующих специалистов) законодательство в области регулирования трудовой миграции представляется важным. Какие формальные правила, установленные законодательством, работают, а какие нет и почему? Почему мигранты чаще предпочитают придерживаться неформальных правил для решения своих проблем?

Закономерно возникает и проблема границы, являющаяся одной из наиболее актуальных в современном мире. Здесь и аспекты, которые мы затронули в своем анализе: формальные и неформальные правила перехода; действующие практики, инфраструктура и агенты, обеспечивающие переход, - и вопросы, которые мы не затрагивали, в том числе и о том, как (а)легальные потоки мигрантов, пересекающие границы, затрагивают национальные интересы государств.

Представляется также важным в дальнейшем проследить исследованные нами процессы в динамике, что позволило бы более уверенно говорить о тенденциях трудовой миграции в принципе, и о динамике индивидуальных стратегий, в частности. Так, было бы немаловажно проследить, как связаны между собой намерения и реальные практики мигрантов, и такое панельное исследование позволило бы выявить, какие факторы влияют на стратегии мигрантов. Однако мы сознаем, что проведение подобного панельного исследования, может быть довольно затруднительным в связи с высокой мобильностью мигрантов – прежде всего в принимающих регионах.

Следовало бы также расширить «географию» исследования трудовой миграции – и в ширь, и вглубь. Данные показывают, что из Узбекистана значительные потоки мигрантов направляются на

⁸ Петербургские исследователи также пытались выйти на городскую узбекскую организацию «Умид», но после встречи с ее лидером было решено, что это бесперспективный путь в данном исследовании.

Урал, в Восточную и Западную Сибирь РФ, и очевидно, что ситуация там отличается как от ситуации в крупных столичных мегаполисах, так и от ситуации в таком специфическом регионе как Татарстан. Следует также включать и такие регионы как юг России, где гастарбайтеры работают преимущественно в сельском хозяйстве.

Здесь мы подошли к необходимости расширить также и социальные границы исследуемых: такие экономические ниши, как сельское хозяйство, торговля, транспорт, или вообще были обойдены нашим вниманием (в основном, в силу дизайна проекта), или лишь затронуты в недостаточной степени. Безусловно, требует большего внимания и женщина в миграции: многие важнейшие вопросы о влиянии миграции на женщин, традиционный уклад и гендерный порядок в сообществе, были нами представлены скорее как гипотезы.